

ЯЗЫК – СВИДЕТЕЛЬ БЕСПРИСТРАСТНЫЙ: ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА СКАЗКИ “КОНЁК-ГОРБУНОК”

© 2012 г. Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина

Статья посвящена вопросу об авторстве сказки “Конёк-горбунок”. Проанализировано более ста разных диалектных черт, представленных в первом издании сказки. Установлено, что П. Ершов не мог быть автором значительной части этих примеров, так как эти диалектные черты отсутствуют в его родном тобольском диалекте. С другой стороны, большая их часть свойственна псковским говорам, хорошо известным А. Пушкину, использовавшему эти диалектизмы в своих произведениях. Это безусловное свидетельство того, что автором первого издания сказки был А. Пушкин.

The paper discusses the authorship of the fairy-tale “The Little Humpbacked Horse” (“Konyok-Gorbunok”). There have been analysed over a hundred various linguistic features typical of the Pskov and neighbouring dialects, which mark the first published version of the fairy-tale. On this basis, it is argued that P. Yershov was hardly the author of the tale, because his native Tobolsk dialect lacks the discussed features. It is further argued that the real author of the tale might be A.S. Pushkin, who was quite familiar with the Pskov dialects and used Pskovian dialectisms in much of his work. This research provides firm evidence of Pushkin’s authorship of the first edition of “Konyok-Gorbunok”.

Ключевые слова: автор, говор, диалект, псковский говор, тобольский говор, диалектная зона, диалектизмы.

Key words: author, dialect, Pskov dialect, Tobolsk dialect, dialectal zone, dialecticisms.

Когда б никто меня под лёгкой маской
(По крайней мере долго) не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого строго критик пощелкал,
Уж то-то б неожиданной развязкой
Я все журналы после взволновал!
Но полно, будет ли такой мне праздник?
Нас мало. Не укроется проказник.

А.С. Пушкин [1, т. 4, с. 530].

В 5-м номере 3-го тома за 1834 г. петербургского журнала “Библиотека для чтения” была напечатана первая часть сказки “Конёк-горбунок”, а осенью того же года эта сказка в трёх частях вышла отдельным изданием. Автором её значился П. Ершов [2]. В 1840 и 1843 гг. вышли стереотипные 2-е и 3-е издания, а в 1856 г. 4-е издание, существенно переработанное П.П. Ершовым, внесшим около трехсот исправлений, замен и добавлений в первоначальный текст, увеличивших его на треть [3]. В 1861 г. вышло 5-е издание с небольшими новыми изменениями текста [4].

С тех пор сказка переиздавалась сотни раз, была переведена на многие языки, вызвала большое число различных подражаний, иллюстрировалась разными художниками, была инсценирована, по ней были поставлены балеты, созданы фильмы,

музыкально-литературные композиции, аудиокниги. Сказке посвящено большое количество исследований: статей, диссертаций, методических разработок для школы, для детских садов. Проводятся конференции, посвященные Ершову [5], издаются Ершовские сборники статей [6]. Вручается Всероссийская литературная премия им. П.П. Ершова за лучшие произведения для детей и юношества. Выпущен научно-популярный фильм о Ершове. Существует видеоигра “Конёк-горбунок” для игровых автоматов и компьютеров, имеются посвященные сказке разнообразные викторины. В Ишиме, родном городе Ершова, есть посвященный ему музей – “Культурный центр П.П. Ершова”. На кладбище в Тобольске на могиле Ершова стоит памятник с высеченной на нём надписью: «Петр Павлович Ершов, автор народной сказки “Конек-горбунок”».

В конце XX в. А.А. Лацис в ряде статей, собранных позднее в отдельную книгу [7], а за ним В.Г. Перельмутер [8] и В.А. Козаровецкий [9] привели ряд доказательств того, что автором сказки “Конёк-горбунок” (далее КГ) был не П.П. Ершов, как принято считать, а А.С. Пушкин. Однако пушкинисты не поддержали их предположения, а ершоведы выступили резко против (см. [10, 11]).

А.А. Лацис и В.А. Козаровецкий приводят несколько примеров некоторых исправлений, сделанных Ершовым в первоначальном тексте, и пишут об их “абсолютной бездарности” [9, с. 19]. Приводим их и мы (в современном правописании), дополнив и другими примерами, ухудшающими, по нашему мнению, первоначальный текст.

1-е издание [2]

1. Приключилось им горе: Кто-то в поле стал ходить И пшеницу их косить [с. 6].
2. Стали думать да гадать – Как бы вора им поймать [с. 6].
3. Ночью страшный был мороз, До костей я весь промёрз [с. 9].
4. Ночью холод был ужасный, До костей меня пробрал [с. 9].
5. Послушай, Ты поди в дозор, Ванюша [с. 10].
6. Кобылица молодая, Задом, передом брыкая, Понеслася по полям, По горам и по лесам; То заскачет, то забьется, То вдруг круто повернется [с. 12].
7. Отправляется на печь И ведет оттуда речь Про ночное похождение, Старику на удивленье [с. 14–15].
8. Возвратившись с свадьбы пьян [с. 16].
9. Тут конек его прервал: “Не тужи, Иван!” – сказал [с. 21].
10. Крепко за уши берет [с. 22].
11. Горбунок-конек встает, Черной гривкой потрясает, На дорогу выезжает; Вдруг заржал и захрапел, и стрелою полетел [с. 22].
12. Братья, видя то, смешались, Не на шутку испугались [с. 22].
13. Старший брат тогда сказал: “Дорогой наш брат Ванюша! Не клади нам грех на души” [с. 22].
14. Так и эдак мы судили, Наконец вот так решили: Чтоб продать твоих коней Хоть за тысячу рублей [с. 23].
15. Оба брата согласились, И все вместе в путь пустились [с. 23].
16. Взяли хлеба из лукошка, Опохмелились немножко, И потом, кто как умел, Песни разные запел [с. 24].
17. Он садится на конька И, схватив его руками, Бьет в круты бока ногами [с. 25].
18. И польстивши донесеньем, Хитрый Спальник со смиреньем К Государю приступил И перо ему вручил [с. 48].

4-е издание [3]

1. Приключилось им горе: Кто-то в поле стал ходить И пшеницу шевелить [с. 6].
2. Стали думать да гадать – Как бы вора соглядать [с. 6].
3. Ночью страшный был мороз, До животиков промерз [с. 9].
4. Ночью холод был ужасный, До сердецв меня пробрал [с. 9].
5. Послушай, Побегай в дозор, Ванюша [с. 10].
6. Кобылица молодая, Очью бешено сверкая, Змеем голову свила И пустилась как стрела. Вьется кругом над полями, Виснет пластью надо рвами, Мчится скоком по горам, Ходит дыбом по лесам [с. 12].
7. Отправляется на печь И ведет оттуда речь Про ночное похождение, Всем ушам на удивленье [с. 15].
8. Натянувшись зельно пьян [с. 18].
9. Тут конек ему заржал. “Не тужи, Иван”, – сказал [с. 23].
10. Уши в загреби берет [с. 23].
11. Горбунок-конек встряхнулся, Встал на лапки, встрепенулся, Хлопнул гривкой, захрапел И стрелою полетел [с. 23–24].
12. Братья то есть испугались, Зачесались и замялись [с. 24].
13. Старший, корчась, тут сказал: “Дорогой наш брат Иваши! Что переться – дело наше” [с. 24].
14. Так и этак мы решили, Наконец вот так вершили, Чтоб продать твоих коньков Хошь за тысячу рублей [с. 25].
15. Братья больно покосились, Да нельзя же! согласились [с. 26].
16. Принесли с естным лукошко, Опохмелились немножко И пошли, что Боже даст, Кто во что из них горазд [с. 26].
17. Он садится на конька, Бьет в круты бока ногами, Тербит его руками [с. 28].
18. И доносчик с этим словом, Скрючась обручем таловым, Ко кровати подошел, Подал клад – и снова в пол [с. 50].

19. *И, ведя такую речь, Наш Иван на пол-арши-на Вылез тихо на средину, Ко пшени с вином подполз* [с. 58].
20. *Говорит Иван со смехом* [с. 60].
21. *Если ты недели в три В нашу Царскую светлицу не достанешь Царь-Деву, То, клянуся бородой, Не останешься живой: Посажу тебя я на кол* [с. 66].
22. *Гей, хозяин! полно спать! Уж пора тебе вставать!* [с. 68]; *Эй, хозяин! полно спать! Уж пора тебе вставать!* [с. 117].
23. *Да смотри же, Ты под гусли не засни же!* [с. 70].
24. *Вот в столицу приезжают* [с. 74].
25. *Это присказка ведется, После сказочка начнется* [с. 84].
26. *Горбунок летит как ветер. И еще на первый вечер Верст сто тысяч отмахал* [с. 84].
27. *За твою такую весть Все бери, что только есть* [с. 92].
28. *Мы все море уж, кажись, Ваша милость, обыскали, А все перстня не видали* [с. 100].
29. *Сельди разом собрались, Сундучок тащить взялись* [с. 105].
30. *Если ж нужен буду я, Позови опять меня* [с. 107–108].
31. *Горбунок-конек проснулся, Встал на ножки, отряхнулся* [с. 108].
32. *На другой день до зарницы Приезжают во столицу* [с. 109].
33. *И с улыбкой ей сказал: “Перстень твой, душа, сыскал”* [с. 110].
19. *И, скончав такую речь, Наш Иван, кряхтя с насады, Вылез кой-как из засады, Ко пшени с вином подполз* [63]; в 5-м издании: *И, скончав такую речь Сам с собою под лазейкой, Наш Иван ужом да змейкой Ко пшени с вином подполз* [4, с. 63].
20. *Молвил ловчий, мря со смеху* [66].
21. *Если ты недели в три Не достанешь Царь-деву В нашу царскую светлицу, То, клянуся бородой, Где-нибудь, хоть под водой, Посажу тебя я на кол* [с. 72]; в 5-м издании: *...То клянуся бородой, Ты заплатишься со мной: На правез – в решетку – на кол!* [4, с. 72].
22. *Гей, хозяин! полно спать! Время дело исправлять!* [с. 75]; *Эй, хозяин, полно спать! Время службу исправлять* [с. 125–126]; *исправлять в значении ‘делать’*.
23. *Да, смотри же, Ты гляди за ней поближе* [с. 77].
24. *Вот столицы достигает* [с. 81].
25. *Это присказка ведется, Сказка после начнется* [с. 88].
26. *Горбунок летит, как ветер, И в почин на первый вечер Верст сто тысяч отмахал* [с. 88–89].
27. *Ты принес такую весть, Что не знаю, чем и счесть!* [с. 97].
28. *Мы все море уж, кажись, Исходили и изрыли, Но и знаку не открыли* [с. 106].
29. *Сельди духом собрались, Сундучок тащить взялись* [с. 112].
30. *Если ж вновь принужусь я, Позови опять меня* [с. 115].
31. *Горбунок-конек проснулся, Встал на лапки, отряхнулся* [с. 115].
32. *Стал четвертый день зориться, Наш Иван уже в столице* [с. 116–117].
33. *“Перстень твой, душа, найден”, – Сладкогласно молвил он* [с. 117].

Есть и противоречия, возникшие при изменениях, внесённых Ершовым в текст 4-го издания.

1. В 1-м издании было: *Ночь ненастная настала, На него боязнь напала, И со страху наш мужик Завалился на сеник. Ночь проходит, день приходит. С сеника дозорный сходит* [с. 6–7]. Ершов меняет: *...И со страхов наш мужик Закопался под сеник. Ночь проходит, день приходит. С сеника дозорный сходит* [с. 7]. Но, во-первых, можно закопаться под сено, но не под сеник – место (помещение) для хранения сена. Во вторых, в этом случае не подходит и предлог *с* в следующем действии: *с сеника*.

2. В 1-м издании сказано: *Та девица, говорят, Ездит в красном полушубке, В золотой, ребята, шлюпке И серебряным веслом В Окияне правит том* [2, с. 63]. Ершов исправляет: *Та девица, говорят, Ездит в красном полушубке, В золотой, ребята, шлюпке И серебряным веслом Самолично правит в нем* [3, с. 69–70]. Вместо слов *в Окияне* Ершов написал *в нем*, но употреблённое без этого предшествующего существительного местоимение стало относиться к слову *шлюпке*, которое другого рода (грамматически правильно было бы *в ней*), или к более далёкому слову *полушубке*, что имеет мало смысла.

3. В 1-м издании Иван, привезя жар-птицу, прежде, чем её показать, говорит: *Прикажи-ка, Царь, закрыть У твоей опочивальни Крепко-на-крепко все ставни, Знайшь, чтобы не светил свет* [2, с. 59]. Ершов заменяет этот текст другим: *Прикажи сперва окошко В почивальне затворить, Знайшь, чтоб темень сотворить* [3, с. 65]. Однако *затворить окно* буквально значит *закрыть открытое окно*. При этом темно в комнате не должно стать.

4. В 1-м издании персонаж сказки Месяц Месяцович мужского рода: он *Месяц ясный, молвил, вскрикнул, заплакал; От того-то по три ночи Не показывал я очи* [2, с. 90–94]. В 4-м издании Месяц Месяцович то мужского, то женского рода: он *молвил, вскрикнул, заплакал, Месяц ясный, с светлым Месяцем*; но: *Оттого то, видишь, я По три ночи, по три дня В темном облаке ходила, Все грустила да грустила, Трое суток не спала, Крошки хлеба не брала* [3, с. 95–100].

5. В 1-м издании сказано: *И, окончив это, вмиг Горбунок на берег прыг* [2, с. 97]. В 4-м издании Ершов изменил этот текст: *И, окончив речь такую, Закусил узду стальную, Понатужился – и вмиг На далекий берег прыг* [3, с. 103]. Но никакой узды на Коньке-горбунке быть не могло: это был товарищ и помощник Ивана; садясь на конька, Иван держался не за вожжи, а за уши конька [2, с. 22; 3, с. 23]. Не Иван правил коньком, а Ивана конёк вёз туда, куда только ему было известно.

Эти примеры говорят о низком профессионализме Ершова, о невысокой общей его культуре и о недостаточном владении языком. Такой человек не мог создать сказку “Конёк-горбунок” – истинный шедевр этого жанра. Но есть и другие свидетельства того, что автором 1-го издания сказки “Конёк-горбунок” не мог быть Ершов, а был им Пушкин, основанные на характере употреблённых в ней диалектизмов и других особенностей языка, во множестве рассыпанных по её тексту.

А.С. Пушкин был хорошо знаком с особенностями псковского диалекта поговору села Михайловского и отражал его черты в своих произведениях. В Михайловском, родовом имении бабушки поэта, а потом матери в Псковском уезде Псковской губернии к юго-востоку от Пскова, Пушкин бывал много раз, жил подолгу. Этот диалект относится к западным среднерусским говорам Западной диалектной зоны, некоторые его черты характерны для Юго-Западной или Северо-Западной диалектных зон, отражены в Диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ) [12] и описаны в разных диалектологических работах (см., например [13, с. 83–85, 87–91, 96–102, 149–143]). Няня

Пушкина Арина Родионовна, чей говор также прекрасно знал поэт, родилась и до замужества жила в селе Копорского уезда Петербургской губернии, диалект которого относился к той же Северо-Западной зоне.

Знакомы были Пушкину и среднерусские говоры села Болдина и соседних сёл Арзамасского уезда Нижегородской губернии, где Пушкин жил в 1830, 1833 и 1834 годах. Особенности этих говоров также отражены на картах ДАРЯ [12].

Мы знаем, что русский литературный язык – это язык “от Пушкина до наших дней”. И ещё мы знаем, что всё, написанное Пушкиным, – образцово и нормативно. Но при этом, конечно, учитываем, что в языке Пушкина имеются и устаревшие обороты, и архаические грамматические формы, и устаревшие лексические значения. Обширный материал по всем этим вопросам даёт “Словарь языка Пушкина” [14] и другие работы (см., в частности [15; 16]).

Но Пушкин активно обращался и к диалектным, чаще всего псковским, ресурсам русского языка – лексическим, фонетическим, акцентным, морфологическим, синтаксическим, словообразовательным. Особенно заметно это в пушкинских сказках. Но при этом диалектизмы Пушкин нередко использовал и в произведениях других жанров: художественной прозе, в публицистических статьях, в эпиграммах и частных письмах. Вот некоторые примеры диалектизмов в пушкинских текстах [1].

Бáять ‘говорить’: *Стала пухнуть прекрасная Елена, Стали бáить: Елена брюхата* – “Песни западных славян” [1, т. 3, с. 294]; *Свет о белке правду бáет* – “Сказка о царе Салтане” [1, т. 4, с. 440]; *Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и бáишь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему* – “Барышня-крестьянка” [1, т. 6, с. 154] и др.; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 1].

Брюхáтая ‘беременная’: *Мать брюхатая сидела, Да на снег лишь и глядела!* – “Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях” [1, т. 4, с. 469]; *Матушка была еще мною брюхата, как я уже был записан в Семеновский полк сержантом* – “Капитанская дочка” [1, т. 6, с. 393]; <...> *императрица, в то время брюхатая на седьмом месяце, располагалась родить* – “Записки бригадира Моро-де-Бразе” [1, т. 8, с. 470] и др. [14, т. 1]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 2].

Забрюхáтеть ‘забеременеть’: *В самом деле, не забрюхатела ли ты?* – “Письмо Н.Н. Пушкиной”

[1, т. 10, с. 451]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 11].

Вечор ‘вчера вечером’: *Вечор, когда туманилась луна, Здесь милого Эвлега призывала* – “Эвлега” [1, т. 1, с. 39]; *Вечор, ты помнишь, вьюга злилась* – “Зимнее утро” [1, т. 3, с. 129]; *И, кажется, вечор еще бродил Я в этих рощах* – “Вновь я посетил...” [1, т. 3, с. 345] и др. [14, т. 1]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 3].

Ежедённo ‘ежедневно’: *Мы отныне ежедённo Вместе будем непременно У высоких стен твоих Выходить из вод морских* – “Сказка о царе Салтане” [1, т. 4, с. 589]. В говорах Северного наречия в этом значении отмечено *ежедённo, ежедённый* [18, вып. 8]; в псковских говорах – *ежэдень* [17, вып. 10].

Жйло ‘жильё, поселение’: *Ну, Слава Богу, жило недалеко* – “Капитанская дочка” [1, т. 6, с. 407]; *Я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги* – “Капитанская дочка” [1, т. 6, с. 407]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 10].

Забётный ‘являющийся предметом особой заботы, старания кого-н.’: *И путешественник залётный, Перекрахмаленный нахал, в гостях улыбку возбуждал Своей осанкою забётной* – “Евгений Онегин” [1, т. 5, с. 177]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 11].

Завес ‘занавеска’: *Наталья Павловна спешит Взбить пышный локон, шаль накинуть, Задёрнуть завес, стул подвинуть, И ждет* – “Граф Нулин” [1, т. 4, с. 242]; *Вот наконец проснулся он И полы завеса раздвинул* – “Евгений Онегин” [1, т. 5, с. 129]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 11].

Завсегда ‘всегда’: *Но ты, Бордо, подобен другу, Который в горе и беде Товарищ завсегда, везде* – “Евгений Онегин” [1, т. 5, с. 95]; *В семье своей будь завсегда главою...* – “Борис Годунов” [1, т. 5, с. 313]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 11].

Задрóгнуть ‘конвульсивно задрожать’: *Рука задрóгла, он вздохнул И на груди моей уснул* – “Братья разбойники” [1, т. 4, с. 173]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 11].

Замáшка ‘привычка, манера поведения’, ‘размах, широта, смелость’: *...в Рылееве есть более замашки или размашки в слоге* – “Письма” [1, т. 10, с. 149]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 11].

Зарáне ‘заранее’: *Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит. Лоб у него зарáне трещит* – “Сказка о попе

и о работнике его Балде” [1, т. 4, с. 419]; *Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают зарáне* – “Евгений Онегин” [1, т. 5, с. 112]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 12].

Заскрыпéть ‘заскрипеть’: *Едва дыханье переводит, Трепещет, если пол под ним Вдруг заскрыпит* – “Граф Нулин” [1, т. 4, с. 247]; *Только вымолвить успела, дверь тихонько заскрыпела* – “Сказка о царе Салтане” [1, т. 4, с. 429]; *Ворота заскрыпели* – “Метель” [1, т. 6, с. 109]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 12].

Зачáть ‘начать’: *Турки <...> вскоре зачали отступать* – “Путешествие в Арзрум” [1, т. 6, с. 680]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 12].

Зыбь ‘волна’: *Смиренный парус рыбарей, Твоею прихотью хранимый, Скользит отважно средь зыбей* – “К морю” [1, т. 2, с. 198]; *Корабль вбежал в Неву – и вот среди зыбей Качаясь плавает, как лебедь молодая* – “Чу, пушки грянули!” [1, т. 3, с. 273]; *Бьется лебедь средь зыбей, Коршун носится над ней* – “Сказка о царе Салтане” [1, т. 4, с. 434]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 13; 18, вып. 12].

Изгáга ‘изжога’: *...на другой день с головной болью и с изгагою отправился в дорогу* – “Русский Пелам” [1, т. 6, с. 598]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 13].

Исподтíха ‘исподтишка, тайком’: *Усмехнувшись исподтиха, Говорит царю ткачиха* – “Сказка о царе Салтане” [1, т. 4, с. 444]; см. [18, вып. 12].

Испужáть ‘испугать’: *Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испужать понапрасну* – “Капитанская дочка” [1, т. 6, с. 444]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 13; 18, вып. 12].

Клйкáть ‘громко позвать’: *Стал он кликать золотую рыбку* – “Сказка о рыбаке и рыбке” [1, т. 4, с. 461]; *Клйчет царь другую рать* – “Сказка о золотом петушке” [1, т. 4, с. 488]; *Без шапки вдруг она являлась и клйкала: “Сюда, сюда!”* – “Руслан и Людмила” [1, т. 4, с. 67] и др.; см. [11]. отмечено и в псковских говорах [17, вып. 14].

Лих, *частица* ‘вот’: *Подари ты мне девицу, Шамаханскую царицу* – *Говорит мудрец в ответ. – Плюнул царь: “Так лих же: нет! <...>”* – “Сказка о золотом петушке” [1, т. 4, с. 491]; *Поцелуй-ка меня, авось горе пройдет. Да лих, губки твои на 400 верст не оттянешь* – “Письмо Н.Н. Пушкиной” [1, т. 10, с. 548]; см. [18, вып. 17].

Медвѣдиха ‘медведица’: *Как завидела медведиха мужика со рогаминою, заревела медведиха* – “Сказка о медведихе” [1, т. 4, с. 426]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 18].

Мйгушка ‘веко с ресницами; перен. тот, кто подмигивает кому-то’: *Досада! Вам досадно потому, что вам некуда будет ездить на вечер, пока не заведете себе другой любовницы (баронессы д’Овре, например. Несносная мигушка)* – “Через неделю буду в Париже” [1, т. 5, с. 498]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 18].

Оголѣлый ‘обнищавший, опустившийся’: *И добро бы кому, а то пьянице оголелому!* – “Капитанская дочка” [1, т. 6, с. 413]; отмечено и в псковских говорах [17, вып. 22; 18, вып. 22].

Осержаться ‘рассердиться’: *А медведиха осержалася, На дыбы подымалася* – “Сказка о медведихе” [1, т. 4, с. 427]; см. [18, вып. 23].

Побѣчь ‘побежать’: *Побѣгли всячь враги – и тихий мир герою!* – “Осгар” [1, т. 1, с. 44]; *И Галлия тебя, о хищник, осенила; Побѣгли с трепетом законные цари* – “Наполеон на Эльбе” [т. 1, с. 124]; см. [18, вып. 27].

Понестѣи ‘забеременеть’: *Нет, осквернила мать отеческое ложе, Коль понесла тебя* – “Анджело” [1, т. 4, с. 370]; *А царица молодая, дела вдаль не отлагая, С первой ночи понесла* – “Сказка о царе Салтане” [1, т. 4, с. 430]; см. [18, вып. 29; 19, т. 10].

Пошепту ‘шёпотом’: *Ах, Владимир Андреевич, это вы, – отвечал Архип пошепту* – “Дубровский” [1, т. 6, с. 252]; *“Что? Каков?” – Произнес пошепту голос, от которого я затрепетал* – “Капитанская дочка” [1, т. 6, с. 436]; см. [18, вып. 31].

Рѣли ‘виселица’: *Уже поставлены были рѣли. [Пугачев] перед ними сидел* [14, т. 3, с. 1186]; *Рели стояли лет 10 после Пугачева, и петли болтались* – “История Пугачева” [1, т. 8, с. 368]; *Пугачев сидел перед релями, принимал присягу* – “История Пугачева” [1, т. 8, с. 370]; см. [18, вып. 35].

Соскучить ‘соскучиться’: *Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам* – “Капитанская дочка” [1, т. 6, с. 399]; см. [18, вып. 40].

Целый ряд лексических значений в словарях связан со словом *лезть*. В современных толковых словарях русского литературного языка их большое количество (10 в [19, т. 6], 12 в [20, т. 1]; сходная ситуация представлена и в других толковых словарях). Но ни в одном словаре такого типа

нет того исходного значения ‘идти’, которое находим в некоторых диалектных словарях. Согласно этим словарям, основное значение этого глагола ‘входить, идти’. Например, в Псковской обл. записано: *Пожалуй, лезь* (входи), *милости просим в нашу хату; Они лезут* (идут) *в дом к свахе* [18, вып. 16]; *Приезжае жэніх са свадьбуй, плетнік фперѣт лѣзе* (идет); *И зимой, и лѣтам лѣзуть* (идут) *на почту насидѣть* [17, вып. 16]. То же значение ‘идти’ было у слова *лѣзти* в древнерусском языке [21, т. 4].

Подобные примеры мы записали от русских старообрядцев, сохраняющих многие черты, свойственные говорам Юго-Западной диалектной зоны, – оregonских турчан, далёкие предки которых были выходцами из псковских земель [22, с. 353–358]: “*Как улезешь* (зайдёшь) *у китайскую магазину, там всего-всего накупишь*”; румынских липован: “*Я раз у трамвай улезла* (вошла), *и он улез* (вошел)”.

В этом же значении использовал глагол *лезть* и Пушкин: *В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет* – “Письмо П.А. Вяземскому” [1, т. 10, с. 220]. Но в лексиконе Пушкина можно найти употребление того же глагола и в значениях ‘карабкаться’, ‘влезать куда-то’, ‘пробирается’ [14, т. 2]. Поэтому в пушкинской строчке: *Ждут бывало с юга, глядь, – Ан с востока лезет рать!* (“Сказка о золотом петушке” [1, т. 4, с. 484]) этот глагол может восприниматься нейтрально – ‘идёт, движется’ и экспрессивно – ‘вторгается насильно’, ‘лезет напролом’, ‘вламывается’ и т.п.

В некоторых случаях исследователи неверно определяли отдельные пушкинские примеры, не распознав в них диалектизмы. Так, например, произошло со словом *рогатка*. В “Сказке о мертвой царевне” читаем: *Царица злая, Ей рогаткой угрожая, Положила: иль не жить, Иль царевну погубить* [1, т. 4, с. 476]. В “Словаре языка Пушкина” к этому примеру находим следующее толкование: *Железный ошейник с длинными остриями, надеваемый на шею заключенным, колодникам* [14, т. 3, с. 1075].

Однако применительно к ситуации пушкинской сказки это толкование сомнительно. По законам жанра в подобном случае сказочная царица должна была бы орудовать каким-либо бытовым предметом – кочергой, ухватом, сковородником, скалкой и т.п. Подобные ситуации нередко обыгрываются, например, в сказках Андерсена, Е. Шварца и других сказочников.

Объяснение можно обнаружить в “Словаре русских народных говоров”, где раскрывается

одно из значений слова *рогáтка*, отсутствующее в литературном языке и распространённое в Псковской, Тверской, Ленинградской, Архангельской областях, – ‘палочка с сучками на конце, служащая для взбалтывания, взбивания чего-л. (масла, теста), мутовка’ [18, вып. 35, с. 120; см. также 19, т. 12]. Следовательно, злая царица угрожала своей сенной девушке Чернавке одним из простых предметов кухонного обихода – мутовкой!

Презумпция нормативности пушкинского языка иногда приводила лексикографов и к другим ошибкам. Так, например, во многих современных словарях литературного языка наряду с нормативным *запрячь* приводится и ярко диалектное *запрéчь*, известное и псковским говорам, – форма из пушкинского *Но знаешь: не велеть ли в санки Кобылку бурую запречь?* – “Зимнее утро” [1, т. 3, с. 130; 17, т. 11; 23].

П.П. Ершов родился в 1815 г. в деревне Безруково (с 1960 г. Ершово), недалеко от г. Ишима Тобольской губернии, детство провёл в разных городках этой губернии, учился в тобольской гимназии и большую часть жизни прожил в Тобольске. В 1831 г. поступил в Петербургский университет, а в 1836 г. вернулся в Тобольск. Тобольский диалект был родным для него. Этот диалект сложился в результате переселения сюда крестьян из Вологодской, Вятской и Пермской губерний [24, с. 7–37; 25, с. 7–8; 26, с. 70; 27, с. 27; 28, с. 47–49]. Говоры этих мест относятся к Северному наречию, к Северо-Восточной диалектной зоне [13, с. 91–94, 111–114], некоторые особенности которой отражаются в произведениях, написанных Ершовым.

Таким образом, Пушкин и Ершов при использовании диалектизмов в своих произведениях опирались на разные диалекты, что и даёт возможность установить авторство 1-го издания КГ.

И. Диалектные различия, по-разному представленные в 1-м и 4–5-м изданиях КГ

1. В 1-м и 4–5-м изданиях приведены формы одушевлённых существительных им. падежа ед. числа муж. рода на -ло, -ко: *Ты, Данило, молодец* [2, с. 8; 3, с. 8]; *Ты, Гаврило, молодец* [2, с. 9; 3, с. 10]; *Вот однажды брат Данило (В праздник, помнится, то было), Возвратившись с свадьбы пьян, Затащился в балаган* [2, с. 16]; – *Раз Данило (в праздник, помнится, то было), Натянув-*

иись зельно пьян, Затащился в балаган [3, с. 17–18]; *Говорит себе Данило* [2, с. 16; 3, с. 18]; и др. [2, с. 17, 18, 24, 25; 3, с. 20, 26, 27, 28]; *Так вот какой Наш воришко* [2, с. 11; 3, с. 11]; *А конек его – горбатко Так и ломится вприсядку* [2, с. 35; 3, с. 39].

Для читателей сказки, говорящих на литературном языке, безударное окончание -о в этих словах, свидетельствующее о диалектной принадлежности персонажей сказки, указание лишь внешнее, существующее только на письме в связи с совпадением в произношении этого окончания при литературном аканье с орфографически правильным безударным окончанием -а. Другое дело остальные формы этих слов.

В вин. и твор. падежах формы этих существительных приведены в 1-м и в 4-м издании по-разному: в 1-м издании в соответствии с им. падежом как во II склонении, а в 4-м издании исправлено как в I склонении: в 1-м издании: *На Гаврила он взглянул* [2, с. 24]; *Мы с Гаврилом толковали* [2, с. 23]; – в 4-м издании: *На Гаврилу он взглянул* [3, с. 26]; *Мы с Гаврилой толковали* [3, с. 25].

В говорах Северного наречия и в части говоров Западной диалектной зоны (в том числе части псковских) эти существительные, как правило, изменяются по II склонению, а в говорах Южного наречия и среднерусских, а также и в литературном языке – по I склонению [12, вып. II, карта 23]. В произведениях Пушкина встречаются обе формы [29, с. 27].

Таким образом, в КГ формы этих существительных, образованные по II склонению, могли быть созданы Пушкиным. Ершов тоже мог слышать подобные формы в тобольских говорах, но ему ближе были формы I склонения, поэтому он и произвёл эту замену.

2. В псковских говорах (в частности, в говоре с. Михайловского) и в тюменских говорах (в том числе и тобольском говоре) некоторые существительные жен. рода на -а I склонения (*вода, доска, земля, изба, нога, река, рука, спина, цена, борона, голова, полоса, сторона* и др.) характеризуются разными акцентными парадигмами в ед. числе: в псковских говорах у этих слов акцентная парадигма *b* – постоянное ударение на окончании, в тюменских говорах акцентная парадигма *c* – ударение на основе в вин. падеже и на окончании в остальных падежах [29, с. 269–276; 30; 31, с. 14; 32, с. 374; 33, с. 139–140, 160].

Ударение существительных женского рода с исконным подвижным типом в русских говорах (карта А.И. Сологуб)

1. Зона тенденции к образованию парадигмы с постоянным ударением на основе.
2. Зона тенденции к унификации ударения на окончании.
3. Зона тенденции к сохранению подвижного ударения.

В первом издании КГ у слов этой группы акцентная парадигма *b*. Так мог написать Пушкин, знакомый с псковским диалектом, но не мог написать Ершов, для которого такое ударение в этих

словах было чуждо, и поэтому он все эти примеры в 4–5-м изданиях переделал, убрав или изменив существительные с ударным окончанием в вин. падеже ед. числа.

1-е издание [2]

4-е издание [3]

1) *И решили всенародно: С ночи той поочерёдно Полосу́ свою беречь, Злого вора подстеречь* (возможно и *пóлосу*) [с. 6];

1) *Наконец себе смекнули, Чтоб стоять на карауле, Хлеб ночами поберечь, Злого вора подстеречь* [с. 6];

- 2) С сенника дозорный сходит И, обшед **избу** кругом, У дверей стучит кольцом [с. 7];
- 3) Дай-ка я подкараулю И под нос такую дулю
Поднесу я дураку, Что хоть тут же и в **реку** [с. 44];
- 4) А Иван собирать пустился От разбитых кораблей
Под **спину** свою гвоздей [с. 73];
- 5) Тут в шатер дурак вбегает, За **косу** ее хватает
(возможно и за косу) [с. 74].
- 2) С сенника дозорный сходит И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой [с. 7];
- 3) Дай-ка я подкараулю, А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить; – Лишь бы дурня уходить [с. 44–45];
- 4) А Иван собирать пустился Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей [с. 80];
- 5) Тут в шатер Иван вбегает, **Косу** длинную хватает [с. 81].

Во втором примере из 1-го издания приведена форма *обшѣд*, которая, наряду с другими подобными формами приставочных глаголов от глагола *идти* – *пришѣд*, *ушѣд* и др., отмечается в небольшой части северо-западных говоров в Псковской, Новгородской и Ленинградской обл. [12, вып. II, карта 112; 33, с. 189]. Эту форму не мог знать Ершов по тобольским говорам, но хорошо знал и употреблял Пушкин: *Неглупый человек, который, <...> **пришѣд** домой, всё записывает; **Вышѣд** из Лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери; Государь император, **обошѣд** соборы, возвратился во дворец; Магометанин Бикбай, **взошѣд** на лестницу, прекрестился* [1, т. 8, с. 16, 19, 59, 172] и др. С.П. Обнорский приводит 18 примеров употребления подобной формы у Пушкина [34, с. 218–219], однако их у Пушкина значительно больше.

3. В 1-м издании КГ есть формы существительных ср. рода мн. числа им. падежа с окончанием *-ы*: *Грива точно золотая, В мелки **кольцы** завитая* [2, с. 11]; *В мелки **кольцы** завитой Хвост раскинут золотой* [2, с. 29–30]; *В мелки **кольцы** завитой Золотистый хвост трубой* [2, с. 31]; *И алмазные **копыты** Крупным жемчугом обиты* [2, с. 17, 31]; *В **стойлы** спрятался тайком* [2, с. 44]. Формы на *-ы* в этих примерах в 4-м издании сохранены [3, с. 11, 19, 32, 34, 45]. В других случаях Ершов исправляет: *В мелки **кольцы** завитой Хвост раскинут золотой* [2, с. 17]; – *В мелки **кольца** завитой хвост струился золотой* [3, с. 19]; *Взял **корыты** и пшено, И заморское вино* [2, с. 55]; – *Взял **корыта** и пшено, И заморское вино* [3, с. 59].

Окончание *-ы* у этих существительных характерно для среднерусских и южнорусских говоров, но не для севернорусских [12, вып. II, карта 33; 35, с. 109–129]. В тобольских говорах такие формы не отмечены [26, с. 76], для Ершова они были чужими, и он не мог быть автором этих примеров.

В псковских говорах форма *кольцы*, *копыты*, *корыты*, *стойлы* и т.п. обычна, правда, там

встречается не только слово *копыто* ср. рода, но и *копыт* муж. рода, у которого форма им. падежа мн. числа на *-ы* закономерна [17, вып. 15]. Много подобных примеров и у Пушкина [35, с. 124].

4. В литературном языке первой половины XIX в. при числительных *два*, *три*, *четыре* наряду с обычной формой *дня* нередко встречалась форма *дни*. Многократно, хотя и реже, чем форму *дня*, употреблял её и Пушкин: *Два **дни** колдун героя носит* [1, т. 4, с. 73]; *Дни три тому туда ходил я вместе С одним знакомым* [1, т. 4, с. 327]; <...> *с Парашей будет он **Дни** на два, на три разлучен* [1, т. 4, с. 385]; *Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три **дни** трех полушек не вымолишь* [1, т. 5, с. 249]; *Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и по-русски объявил, <...> что **дни** через два ему можно будет отправиться в дорогу* [1, т. 6, с. 136] и ещё 10 примеров такого употребления [14, т. 1]. Но ещё чаще она отмечается в говорах, и севернорусских, и южнорусских [29, с. 82–85]. Форма род. падежа ед. числа *дни* отмечена и в псковских говорах: *третьего дни, канец мясава дни, сявѣдни*; много подобных примеров зафиксировано и в псковских памятниках [17, вып. 9]. В 1-м издании КГ дважды употреблена форма *севодни* [2, с. 62, 64]. Ершов оставляет её [3, с. 67, 68].

В 1-м издании КГ в речи царицы употреблена форма *три дня*: *Если любишь ты меня, То доставай чрез **три** мне **дня** Перстень мой из Окияна* [2, с. 76]; *И зачем вот **три** уж **дня** Братец скрылся от меня* [2, с. 77]. Эта же форма употреблена и в пересказе Иваном речи царицы: *И зачем-де **три** уж **дня** Солнце скрылось от меня?* [2, с. 91]. Это сочетание сохранено в этих отрывках в 4-м издании [3, с. 83, 84, 96]. Но в речи Ивана, деревенского жителя “из огорода”, как он сам о себе говорит [2, с. 35], рассказывающего коньку о приказе царя, в 1-м издании приведена другая форма: *Дал мне сроку **три дни** только* [2, с. 78]. Ершов не заметил этого тонкого различия в авторской характеристике речи разных героев сказки и в 4-м

издании исправил: *Дал мне сроку **три дня** только* [3, с. 85].

Этот приём противопоставления речи персонажей сказки использован и в другом случае: <Царь:> “*Ну да что за **нужда** в том? Лишь бы только нам жениться*”. Говорит ему Царица: “*А такая в том **нужда**, Что не выйду никогда За дурного, за седого, За беззубого такого*” [2, с. 112]. На этот раз Ершов сохранил это различие, несколько изменив диалектную форму: *Ну да что нам **нужды** в том?* [3, с. 119].

Пушкин использует и то, и другое место ударения в этом слове: *Молчи, бессмысленный народ, Поденичик, раб **нужды**, забот!* [1, т. 3, с. 87]; *Сажень за сто с чердака За **нуждой** бегу известной* [1, т. 1, с. 410]; – *Зачем перенимать у них пустую моду? Какая **нужда** в том?* [1, т. 5, с. 492]; *Нет **нужды**; прав судьбы закон* [1, т. 5, с. 127] и др. [14, т. 2].

5. В небольшой части западных говоров в формах местоимения *мой* известно ударение на первом гласном окончании в соответствии с ударением на втором гласном в других говорах: *моёго, моёму – моего́, моему́*. В 1-м издании встречается такая форма: *Как ты смел, урод, скрывать От **моёго** разуменья, Находясь в моем владеньи, Что имеешь ты добро – Жароптицево перо!* [2, с. 50–51]. В языке Ершова не могло быть такой формы, и он в 4-м издании убирает её: *Ты мне должен отвечать: В силу коего указа Скрыл от нашего ты глаза Наше царское добро – Жароптицево перо?* [3, с. 53].

6. В 1-м и 4-м издании встречается форма указательного местоимения жен. рода *тоё/тоё*: *Вынул хлеба ломоток И поехал на Восток – Доставать **тоё** жар-птицу* [2, с. 55; 3, с. 95]. *Вынул хлеба ломоток И поехал на Восток По **тоё** ли Царь-девицу* [2, с. 69]; в 4-м издании *тоё*: [3, с. 75]. Но в третьем примере Ершов меняет текст. В 1-м издании: *Свет невиданный – в светлице От **тоё** пошел Жар-птицы* [2, с. 60]. – В 4-м издании: *Свет такой тут вдруг разлился, Что весь двор рукой закрылся* [3, с. 66].

Говорам Западной диалектной зоны свойственно употребление форм указательного местоимения *той, тая, тоё, тее* и др. с окончаниями полных прилагательных. В других говорах, как и в литературном языке, эти формы склоняются по типу кратких прилагательных. В отдельных говорах Западной диалектной зоны встречается форма косвенных падежей жен. рода *тоё/тоё*, но форма *тоё* в основном свойственна восточным средне-русским говорам, в том числе и говору с. Болдина

и соседних мест [12, вып. II, карты 69–71, 73–75]. Известна она и в тобольских говорах [26, с. 82].

Как видно из приведённых примеров, в 1-м издании два раза употреблена форма *тоё* и один раз *тоё*, но разное ли они отражают произношение или одно и то же, неясно.

Буква *ё* в 1-м издании [2] встречается очень редко: *Ирешили всенародно С ночи той поочерёдно Полосу свою беречь* [с. 6]; *Ночью страшный был мороз, До костей я весь промёрз* [с. 9]; *Буди с нами крёстна сила* [с. 25]; *Так и случилось, Царь-Надёжа!* [с. 31]; *И спокойно тут прилёг у коней, близ задних ног* [с. 46]; *Как хвачу я вас бичём, Так не станете потом Без пути будить Ивана* [с. 49–50]; *И пошел на сеновал, Где конёк его лежал* [с. 52]; *Говорит ему конёк, У его вертяся ног: “Чай сгубили лиходеи?”* [с. 53]; *Говорит ему конёк: “Велика беда, не спорю <...>”* [с. 67]; “*Надо, Царь, мне две ширинки, Шитый золотом шатёр Да обеденный прибор <...>”* [с. 67–68]; *Приплывет опять Девица – Мёду сладкого напиться* [с. 73]; *Да стою я крепко в том – Не бывать ей за Царём!* [с. 93]; *Все озёра исходили* [с. 102]; *Тут Иван одёжу снял* [с. 118].

Обычно же пишется *конек, шатер* и *е* в других словах, где автор произносил ударный [о], о чём в некоторых случаях говорит рифма: *Это присказка, а вот – Сказка чередом **пойдет*** [с. 42]; *Челки собраны в **пучок**, Шерсть – ну, лоснится как **шелк*** [с. 43–44]; “*Завтра только зазорится, Мы отправимся в **поход**”*. *Вот Иван к Царю **идет*** [с. 54]; “*Ну, хозяин, отличился, – Говорит ему **конек**, – Опускай ее в **мешок**”* [с. 59]; *Ставни крепко запирали – Тот защолчкой, тот **ключем**. Вот Иван потрянул **мешком*** [с. 59–60]; *И на нем-то круглый **год** Та красавица **живет*** [с. 69]; *И пред утренней **зарей** Пробегаёт лес **густой*** [с. 69]; *Ну, раскидывай **шатер**, На ширинку ставь **прибор*** [с. 70]; *А ножонка-то, **ножонка**! Словно взята у **цыпленка*** [с. 71]; *Только, братцы, я узнал, Что конек туда взбежал, Где (я слышал **стороною**) Небо сходится с **землею*** [с. 88]; *Оттого-то мой **сын** Вот четвертый уж **денек** Не является к Сестрице* [с. 92]; *Громким голосом сзывает Осетринный весь **народ** И такую речь **ведет*** [с. 99]; *И, разрыв на дне **песок**, Вырыл красный **сундучек*** [с. 105]; *Ерш-гуляка прямо в пруд <...> Чай додраться с **карасем**, Я не ведаю о **том*** [с. 106]; *Первый надобно налить Из реки – водой студеной, Да второй – водой вареной, А последний **молоком**, Вскипятя его **ключем*** [с. 113].

Поэтому можно предполагать, что и в тех случаях, когда автор 1-го издания написал *тоё*, он произносил *то[jó]*, как и теперь говорят во

многих нижегородских деревнях, но возможно, что он в примерах *тое* и *тоё* имел в виду разное произношение, изредка встречающееся и сейчас в псковских говорах.

Но три эти примера отличаются в другом отношении: дважды *тоё/тоё* – это форма вин. падежа, её оставляет Ершов в 4-м издании, а один раз это форма род. падежа, и её Ершов заменяет. Обычно в говорах *тоё/тоё* – это форма вин. падежа, в тобольских говорах *тоё* также отмечена как форма вин. падежа. В других же говорах она встречается и как форма род. падежа. Таким образом, Ершов знал и мог употребить *тоё* только как форму вин.

падежа, а употреблённая в род. падеже она была ему чужда.

7. Южное наречие характеризуется произношением [т'] в окончаниях глаголов 3-го лица ед. и мн. числа. Такое произношение отмечается и на юге Псковской обл., в том числе и вокруг Михайловского [12, вып. II, карта 79]. В говорах Тюменской обл. в этих окончаниях произносится [т] [26, с. 85]. Произношение [т'] может скрываться и за некоторыми строчками 1-го издания КГ, изменёнными Ершовым в 4-м издании, считавшим, возможно, что здесь нарушена рифма, как это соответствовало его речи, тогда как в КГ в большинстве случаев рифма точная¹.

1-е издание [2]

- 1) *Да смотри же, не забудь: Только кони подрастут, Не держи меня в неволе, А пусти на чисто поле* [с. 13].
- 2) *А Гаврило говорит Тихо брату: "Может быть, Там станичники пристали..."* [с. 25].
- 3) *"Что? достал ли ты Жар-птицу?" – Царь Ивану говорит. "Прикажи-ка, Царь, закрыть У твоей опочивальни Крепко-накрепко все ставни"* [с. 59].

8. В 1-м издании есть два примера употребления при глаголах движения существительного в твор. падеже, обозначающего место движения, без определяемых слов. В обоих случаях Ершов изменяет эти примеры: 1. *Он пшеницей стал ходить, И давай хвостом косить* [2, с. 15]; – в 4-м издании: *Вот и стал тот черт скакать И зерно хвостом сбивать* [3, с. 16]; в 1-м издании: *Он околицей идет, Ест краюшку да поет* [2, с. 20]; – в 4-м издании: *Вдоль по улице идет, Ест краюшку да поет* [3, с. 21].

Такие формы существительных при глаголах движения отмечены в псковских говорах: *Върати́ти прѣма бѣраздѣнкѣй* [17, вып. 4, с. 162]; *Три раза пахали, гоняют грядкам, борозда́м* (= грядками, бороздами) [17, вып. 7, с. 86]; *Бѣльшакѣм движились взат-фпирѣт* [17, вып. 8, с. 145]; *Так гады, серыи, чорныи, красныи, ишли бѣрам* [17, вып. 13, с. 167]. В псковских памятниках: *И тот князь Михайло людѣми своими, ѣдучи дорогою, сильно грабил своих* [17, вып. 10, с. 139]; *Того же лѣта прииде на Москву с Вятки, с Великорѣчьѣ, образ чудотворца Николы, и многых безчислено прощал различными болѣзньми и недугы одрѣжимых и слѣпых, идучи дорогою и на Москвѣ* [17, вып. 13, с. 173].

4-е издание [3]

- 1) Эти строки заменены другим текстом [с. 13].
- 2) *А Гаврило говорит: "Кто-пень знает, что горит!"* [с. 27].
- 3) *"Что, достал ли ты Жар-птицу?" – Царь Ивану говорит, Сам на спальника глядит* [с. 65].

9. В 1-м издании употреблено предложное сочетание *под столицу* для обозначения места, в непосредственную близость к которому направлено действие: *Братья сеяли пшеницу Да возили под столицу*: [2, с. 5]. Ершов исправляет: *Братья сеяли пшеницу Да возили в град-столицу* [4, с. 6]. Такое употребление этой конструкции, как в 1-м издании, встречается, главным образом, в говорах Западной диалектной зоны [18, вып. 27], использовал её и Пушкин: *Подъезжая под Ижору, Я взглянул на небеса* [1, т. 3, с. 107]; *Пугачёв несколько раз подступал под Оренбург* [1, т. 8, с. 182]; *Хлопуша <...> возвращается под Оренбург* [1, т. 8, с. 189]; *Разбойник Фирска подступил под Симбирск* [1, т. 8, с. 262] и др.

10. В 1-м издании КГ несколько раз встречается слово *армяк* – название крестьянской мужской верхней одежды. В драматической повести Ершова "Фома-кузнец" эта одежда названа словом *азям*: *"Мы дохтура, а вы что? Так, народ Оборванный, в азямах!"* [37, с. 169]. По данным ДАРЯ название мужской верхней одежды *армяк* распространено в Западной диалектной зоне и в западной части Северо-Восточной зоны, а *азям* – в восточной части Северо-Восточной зоны,

¹ По подсчётам А.И. Кушнира в 1-м издании 88,5% точных рифм [36, с. 9].

главным образом в крайней восточной части Вологодской обл. и в Кировской обл. [12, вып. III, ч. 1, карта 32]. В этом значении слово *армяк* отмечено в псковских говорах [17, вып. 1], *азям* – в ряде областей, в том числе в Тюменском уезде Тобольской губ. [18, вып. 1]. В “Словаре русских говоров Сибири” (СРГС) приведено слово *азям* в значении ‘шуба из самодельно выделанных овчин, покрытая домотканым сукном’, а *армяк* –

только как ‘нерасторопный, неуклюжий человек; растяпа’ [38, т. 1].

Пушкин знал слово *армяк* как название мужской верхней одежды, пять раз употребил его и в других своих произведениях [14, т. 1], а Ершов либо не знал его, либо знал в том значении, которое указано в СРГС, не он и автор примеров с этим словом в 1-м издании, и в 4-м издании КГ Ершов изменяет все примеры со словом *армяк*.

1-е издание [2]

- 1) Тут дурак, Спрятав руки за **армяк**, Из-за братьев выступает [с. 33];
- 2) Тут надел он свой **армяк**, Опяской подвязался [с. 50].
- 3) Говорит коньку дурак, Расстилая свой **армяк**: “Рукавички взять придется, Чай, плутовка, больно жжется” [с. 57];
- 4) А посыльные Дворяна Побегжали по Ивана И соннаго дурака Привели без **армяка** [с. 65];
- 5) Иван, не зная как, Опустился на **армяк**; И под голос тихий, стройный Засыпает преспокойно [с. 72].

11. В 1-м издании было: *Спальник <...> думает: “Постой-ка, Я те **брякну**, неумойка!”* [2, с. 43]. Ершов исправляет: *Сам же думает: “Постой-ка, Я те двину, неумойка!”* [3, с. 43]. Эта замена свидетельствует о том, что Ершов не понимал истинного значения сочетания слов в 1-м издании, которое имело смысл: *Я тебя умою, грязнуля*; ср. близкое к этому значение, отмеченное в диалектных словарях: *Брякнуть. Пропитываться влагой, намочить, набрякать; Набрякнуть. 1. Намочнув, расшириться, потяжелеть* [17, вып. 2, 19; 18, вып. 3, 19]; *Неумойка, неумоя. Грязный, невымытый человек. Отмечено в псковских говорах* [18, вып. 21].

12. В 1-м издании было: *Рожжа словно как у кошки, А глаза – так что те **ложки*** [2, с. 15]. Ершов изменяет: *Рожжа словно как у кошки, А глаза-то – что те **плошки**!* [3, с. 16]. Для Ершова сравнение глаз с ложками неприемлемо, но оно обычно для псковских говоров: *Сижю́ как дуркава́та, гла́зы в́луплены как ло́шки*; в Пушкиногорском р-не записано: *Гла́зы на ло́шки, не ви́дят ни кро́шки* [17, вып. 17].

13. В 1-м издании было: *Если ж ты ее про-стишь, То в последний раз глядишь* [2, с. 70–71]. Ершов меняет: *Если ж ты ее простишь, Так беды не избежишь* [3, с. 77]. Слово *глядеть* в значе-

4-е издание [3]

- 1) Тут Иван, Руки в боки, словно пан, Из-за братьев выступает [с. 36];
- 2) Тут надел он свой кафтан, Опяской подвязался [с. 52].
- 3) Говорит коньку Иван, Расстилая свой кафтан, – “Рукавички взять придется: Чай, плутовка больно жжется” [с. 62];
- 4) А посыльные дворяна Побегжали по Ивана, В крепком сне его нашли И в рубашке привели [с. 71];
- 5) Иван, не зная как, Прикорнулся на кулак И под голос тихий, стройный Засыпает преспокойно [с. 78].

нии ‘видеть’ отмечено в псковских говорах [17, вып. 7].

14. В 1-м издании было: *Тут дворяна побегжали, Ставни крепко запирали – Тот **защёлчкой**, тот ключем* [2, с. 59–60]. У Ершова другой текст: *Тут дворяна побегжали И окошко затворяли* [3, с. 65]. Слово *защёлка* ‘защёлка’ отмечено в псковских, тобольских и других говорах [18, вып. 11]. Но возможно, что Ершов его не знал либо заменил его потому, что менял весь контекст.

15. В 1-м издании: *Поднял красный сундучок, Будто легкий **камешок*** [2, с. 109]. Ершов исправляет: *Поднял ящичек ногой, Будто **камышек** какой* [3, с. 116]. Слово *камешок* известно псковским говорам [17, вып. 13].

16. В 1-м издании встречается слово *конюшна* ‘конюшня’, которое в 4-м издании заменено вместе со всей фразой: *Полночь темная приходит. Наш Иван в **конюшину** входит* [2, с. 45]; – *Кони топнули, и вот Входит старый коновод* [3, с. 46]. Вариант *конюшна* с твёрдым [н] в основе отмечен и в псковских, и в тобольских говорах [17, вып. 15; 18, вып. 14], но Ершов предпочитает его не использовать.

17. В КГ встречается слово *малахай*. В 1-м издании: *А дурак наш, не снимая Ни лаптей, ни **малахая**, Отправляется на печь* [2, с. 14]. В 4-м

издании этот пример остался, хотя Ершов внёс в него незначительные изменения: *А Иван наш, не снимая Ни лаптей, ни малахая, Отправляется на печь* [3, с. 15]. В БАС это слово приведено с двумя значениями: 1. Теплая меховая или подбитая мехом шапка с широкими наушниками и плотно прилегающей к шее задней частью; 2. *Обл.* Широкий кафтан без пояса [19, т. 6]; так же и в СРГС [38, т. 2].

Автор 1-го издания КГ, безусловно, понимал это слово во 2-м значении: ‘широкий кафтан без пояса’. Об этом свидетельствует описанная в КГ ситуация, которая относится к летнему времени, когда пшеница ещё не скошена. Ивану, отправлявшемуся её караулить, незачем было надевать тёплую зимнюю меховую шапку, а лёгкий кафтан, конечно, был ему нужен. Кроме того, возвратившись и войдя в избу, Иван должен был согласно деревенским правилам первым делом снять шапку, помолиться на иконы и только после этого что-либо делать. Именно так поступили его старший и средний брат: *Братья двери открыли, Караульного впустили, Стали спрашивать его, Не видал ли он чего. Караульный помолится, Вправо, влево поклонился И, прокашлявшись, сказал <...>* [2, с. 7, 9]. Только после этого Иван мог отправиться на печь, даже и не снимая кафтана. В этом же значении употребляется слово *малахай* и в псковских говорах [17, вып. 17].

В 1-м издании КГ несколько раз встречается слово *шапка*, и нигде в этом значении не употреблено *малахай*: 1) *И подняв перо жар-птицы, Завернул его в тряпицы, В шапку мигом положил* [2, с. 26]; 2) *Городничий выезжает В туфлях, в шапке меховой, С сотней стражи городской* [2, с. 28]; 3) *Тут народ зашевелился, Шапки снял и расступился* [2, с. 29]; 4) *Шапку красную скидает, На окно ее кладет И из шапки той берет В три завитое тряпицы Из крыла перо Жар-птицы* [2, с. 45]; 5) *Мигом шапку подхватил, Прыг в окно, и – след простыл* [2, с. 46]; 6) *Тут Иван на небо въехал Да по небу и поехал, Избоченясь, будто Князь, Шапку набок, подбодрясь* [2, с. 88]. Эти же примеры, иногда с некоторыми изменениями, сохранены и в 4-м издании [3, с. 29, 30, 34, 46, 48, 92].

Ершов же понимал это слово в том значении, которое указано на 1-м месте в БАС и СРГС; об этом свидетельствует замена, которую он произвёл в другом примере. В 1-м издании было: *Вот дурак с печи слезает, Шапку набок надевает, Хлеб за пазуху кладет И шатаясь идет* [2, с. 10]. В 4-м издании Ершов заменил слово *шапку* на *малахай*: *Тут Иван с печи слезает, Малахай*

свой надевает, Хлеб за пазуху кладет, Караул держать идет [3, с. 11]. Именно это значение указал В.Г. Утков в “Словаре устаревших и областных слов”, приведённом в конце публикации 4-го издания сказки: “Малахай (“Малахай свой надевает...”) – меховая шапка с ушами (треух), распространённая в Сибири” [39, с. 210].

Однако составители толковых словарей русского языка пример из КГ: *Тут Иван с печи слезает, Малахай свой надевает. Хлеб за пазуху кладет, Караул держать идет*, – приводили в качестве иллюстрации другого значения слова *малахай* – того, которое указано в этих словарях под цифрой 2: ‘широкий кафтан без пояса’ [19, т. 6; 38, т. 2].

Таким образом, слово *малахай* встречается и в 1-м, и в 4-м издании КГ, но их авторы понимали это слово по-разному: автор 1-го издания – как кафтан особого покроя (как в псковских говорах), Ершов – как тёплую меховую шапку (как в Сибири).

18. В 1-м издании было: *Тут конек под ним забился И по берегу пустился; Только видно, как песок Вьется вихорем у ног, Будто сделалась погódка* [2, с. 87]. Ершов последнюю строку со словом *погодка* снимает [3, с. 91–92].

Слово *вихор*, *вихорь* в псковских говорах имеет значение ‘сильный ветер’ [17, вып. 4]. Слово *погóда* (и *погódка*) в русских говорах употребляются в разных значениях: 1) ‘плохая, ненастная погода’ с уточнением: ‘ветренная погода’, ‘дождливая погода’, ‘снегопад’ и др.; 2) ‘хорошая, ясная погода’ [12, вып. III, карта 90; 18, вып. 27]. В говорах Западной Сибири (в частности в тюменских) слова *погódка* и *погóда* отмечены в этих же двух противоположных значениях [18, вып. 27; 38, т. 3]. То, что Ершов убирает из текста КГ слово *погодка*, говорит о неприемлемости для него значения этого слова в 1-м издании – ‘ветренная погода’. Но именно это значение в псковских говорах у слова *погода* [17, вып. 21, с. 250], и это же значение имел в виду Пушкин, когда писал: *В ночь погода зашумела, Взволновалась река* [1, т. 3, с. 74]; *Брожу над морем, жду погоды, Маню ветрила кораблей. Под ризой бурь, с волнами споря, По вольному распутью моря Когда ж начну я вольный бег?* [1, т. 5, с. 30–31].

19. В 1-м издании была фраза: *Городничий раздивíлся / И два раз перекрестился* [2, с. 30]. В 4-м издании она изменена: *Наш старик, сколь ни был пылок, Долго тер себе затылок* [3, с. 34]. Диалектное слово *раздивíться* в значении ‘сильно удивиться’, а также образованное по той же модели *раздикóвина* в значении ‘очень странная, удивительная вещь, диковина’ отмечены в говорах

Юго-Западной диалектной зоны – в Смоленской обл. [18, вып. 33]. Диалектной является и форма *два раз*, встречающаяся в псковских говорах [17, вып. 8, с. 139].

20. В 1-м издании употреблено слово **трожды** – ‘трижды’: *Я уж трожды поднимал* [2, с. 109]. Ершов меняет: *Я уж трижды поднимал* [3, с. 116]. Пушкин знал и употреблял этот диалектный вариант слова: *Что тебе скажу? про старые дрожжи не говорят трожды* [1, т. 10, с. 230]. Ершов же, очевидно, его не знал. Так, В.И. Даль, приведя это слово, указывает: *южное* и иллюстрирует примерами: *Про одни дрожжи не говорят трожды; Про одни дрожжи посылай трожды; Стары дрожжи перебираешь трожды* [40, т. 4, стлб. 840]. Отмечено оно и в Московской

губ. [41, с. 10]. В псковских и в некоторых других русских говорах европейской части России встречается слово *двожды* ‘дважды’ [17, вып. 8, с. 141, 148; 18, вып. 7]. О вариантах *двожды*, *трожды* “для Сибири указаний пока не имеется”, – писал Черных в 1924 г. [41, с. 10]. Не отмечены они в Сибири и позднее [38, т. 1, ч. 2, т. 5].

II. Другие примеры исправлений, сделанных П.П. Ершовым в 4–5-м изданиях

1. В некоторых случаях Ершов изменял текст 1-го издания, если рифма ему казалась недостаточно точной. Можно полагать, что так он поступил и со следующими примерами.

1-е издание [2]

*Долго ль мне в опале быть, И какое повеленье
Мне исполнить для прощенья?* [с. 87];

*Оттого твоё мученье, Что без Божия вельня
Проглотил ты средь морей Три десятка кораблей* [с. 96];

Ершов меняет рифмующиеся слова *повеленье* – *прощенья* и *мученье* – *вельня* на *прегрешенья* – *мученья*, *мученья* – *вельня*.

Для тобольского говора, родного говора Ершова, “было характерно чёткое различие всех пяти гласных фонем во всех безударных слогах” [31, с. 46]. В этом говоре безударные окончания *-е* – *-я*, которые были в 1-м издании, должны были произноситься по-разному.

Но в литературном языке того времени гласные этих окончаний совпадали в произношении [42, с. 94; 43, с. 240]. Пушкин произносил эти гласные окончаний одинаково – как [э], в его произведениях встречается много случаев рифмовки слов с этими разными окончаниями. Р. Кошутич приводит 11 таких примеров из произведений Пушкина и заканчивает их перечисление аббревиатурой “и т.д.”: для *развлеченья* – *оставя книг ученье*, *творенья* – *терпенье*, *невинное творенье* – *и плод уединенья*, *до свиданья* – *обещанье* – *завещанье*, *ученье* – для *награжденья* – *его творенья* и др. [42, с. 305–306].

Однако Ершов был непоследователен, в другом подобном случае он оставляет такую же рифмовку: 1-е издание: *Он за то несет мученье, Что без Божия вельня Проглотил он средь морей Три десятка кораблей* [2, с. 94]; – 4-е издание: *Он за то*

4-е издание [3]

*Долго ль мне в опале быть, И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?* [с. 91];

*Оттого твои мученья, Что без Божия вельня
Проглотил ты средь морей Три десятка кораблей* [с. 102–103].

несет мученье, Что без Божия вельня Проглотил среди морей Три десятка кораблей [3, с. 99].

2. В 1-м издании встречаются формы мн. числа *коне́й* с ударением на основе: *Братья коней увели* [2, с. 21]; *Царь не мог тут усидеть. “Надо коней посмотреть”*, – *Говорит он* [2, с. 32]; *Чистить коней начинает* [2, с. 45]; *Царь раскланялся и вмиг С колесницы к коньям прыг* [2, с. 32]. Ершов меняет первую фразу: *Братья коников свели* [3, с. 23].

В 1-м издании есть эти формы и с ударением на окончании: *Он у вас коней не крал* [2, с. 22]; *Наконец, вот так решили: Чтоб продать твоих коней Хоть за тысячу рублей* [2, с. 23]; *Тут коней они впрягали И в столицу приезжали* [2, с. 27]; *Вкруг коней он ходит, хвалит, То потреплет, то погладит* [2, с. 32]; *Повели коней в конюшни* [2, с. 33]; *Тут подкликнул он коней* [2, с. 35]; *Спальник начал примечать, Что Иван коней не холит* [2, с. 43].

В произведениях Пушкина много раз встречаются формы этого слова с ударением в косвенных падежах мн. числа на окончании: *коней*, *коньям*, *коньями*, *на конях*, но употребляет Пушкин и формы с ударением на корне: *коне́й*, *коньям*: *И слышно в тишине степной Лишь лай собак да коней ржанье* [1, т. 4, с. 207]; “Эй, пошел, ямщик!..” – “Нет мочи: *Коньям*, барин, тяжело...” [1, т. 3, с. 176];

см. [14, т. 2]. Таким образом, Пушкину были не чужды эти формы с ударением на корне, а Ершову, по-видимому, чужды. Слова же коник, коники Пушкин не употребил ни разу.

3. В 1-м издании КГ было: *Но издавна речь ведется, Что все глупым удастся* [2, с. 18]. Ершову не нравится слово *издавна*, и он меняет его на *давно*: *Но давно уж речь ведется, Что лишь дурням клад дается* [3, с. 19]. В БАС дано ударение *издавна*, но сказано также: “С иным (устарелым) ударением: *издавна*” [19, т. 5]. Однако у Пушкина во всех случаях употребления этого слова в поэтических произведениях оно имеет ударение на втором слоге: *Приветствую тебя, – сказала, – Собрат, издавна чтимый мной!* [1, т. 4, с. 46] *Издавна умысел ужасный Взлелеял тайно злой старик* [1, т. 4, с. 262]; *Хотя мы знаем, что Евгений Издавна чтение разлюбил, Однако ж несколько творений Он из опалы исключил* [1, т. 5, с. 149] и ещё 6 подобных примеров [14, т. 2].

4. В 1-м издании было: *К кобылице подбегает, За волнистый хвост хватает И садится на хребет – Только задом наперед* [2, с. 11]. Ершов в 4-м издании повторяет: *И садится на хребет* [3, с. 12], а в 5-м издании меняет: *И прыгнул к ней на хребет* [4, с. 12]. Но в другом месте КГ эта форма употреблена и в 1-м, и в 4-м, и 5-м изданиях: *На Иванушку взглянул И четырежды прыгнул* [2, с. 108; 3, с. 115; 4, с. 115].

Глагол *прыгнуть* с таким именно ударением на суффиксе много раз употреблял Пушкин: *К темной ночи обещался он Из окна прыгнуть к ней в комнату* [1, т. 1, с. 74]; *Амур от радости прыгнул, И на глаза со всей он силы Обнову брату затащил* [1, т. 1, с. 234]; *На встречу бедного певца Прыгнула Оленька с крыльца* [1, т. 5, с. 125] и ещё 11 подобных примеров [14, т. 3]. С таким же местом ударения употреблял Пушкин и приставочные глаголы с тем же корнем: *Она вспрыгнула, побежала И скрылась в темноте ночной* [1, т. 4, с. 303]; *Как царица отпрыгнёт, Да как ручку замахнёт, Да по зеркальцу как хлопнет* [1, т. 4, с. 469].

Таким образом, форма *прыгнул*, возможно, была из числа тех исправлений, которые, как известно, Пушкин сделал в тексте 1-го издания и передал их Ершову, позднее уничтожившему эти листы с пушкинской правкой. Так считал и В.А. Козаровецкий, который в своей публикации сказки привёл вариант с этим словом как пушкинский [44, с. 47].

5. В 1-м издании пять раз употребляется слово *караульный*: *Братья двери отворили Караульно-*

го впустили, Стали спрашивать его, Не видал ли он чего? Караульный помолится, Вправо, влево поклонился [2, с. 7, 9]; *Караульный наш привстал* [2, с. 11]; *Братья двери отворили Караульного впустили* [2, с. 14]. Ершов в 4-м издании везде меняет слово *караульный* – 4 раза на *караульщик* [3, с. 7, 9, 11], 1 раз на другое слово [3, с. 15]. Однако для Пушкина слово *караульный* было гораздо ближе, чем *караульщик*: в других его произведениях *караульный* отмечено 14 раз, а *караульщик* всего один раз [14, т. 2].

6. В 1-м издании приведено: *Надзирателям сидеть Подле лавок и смотреть, Чтобы не было содому, Ни смятенья, ни погрому* [2, с. 28]. В 4-м издании Ершов меняет: *А надсмотрщикам сидеть Подле лавок и смотреть, Чтобы не было содому, Ни давёжа, ни погрому* [3, с. 31]. У Пушкина же встречаются в разных формах слова и *надзиратель*, и *смятение* (*смятенье*), первое три раза, а второе – 49 раз, а слова *давёж* и *надсмотрщик* не отмечены ни разу [14, т. 1, 2, 4].

Словоформа *надсмотрщикам* весьма неудачна в этом тексте: [р] в окружении глухих согласных в сочетании [трш'] должен либо произноситься как слоговой звук, что нарушает ритм строки, либо не произноситься вовсе, что деформирует само слово.

7. В 1-м издании употреблено слово *одеёжа*: *Тут Иван одеёжу снял* [2, с. 118]. Ершов меняет: *Тут Иван одежду снял* [3, с. 127]. Слово *одеёжа* БАС характеризует как просторечное [19, т. 8], но Ершов ввёл в текст 4-го издания много новых просторечных и диалектных слов, отсутствовавших в 1-м издании. Поэтому трудно понять логику Ершова в данном случае. У Пушкина – слово *одеёжа*: *Однажды у государыни сказал он при нас: по одеёжке дери ножки* [1, т. 8, с. 119]; *Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, т.е. по одеёжки тyani ножки – всё перемелется, будет мука* [1, т. 10, с. 231].

8. В 1-м издании было: *Тут Иван хотел идти. “Эй, посланник, подожди! – Говорит ему царица. – Заезжай ты поклониться В изумрудный терем мой <...>”* [2, с. 77]; *Мы посланники Царицы, Едем оба из столицы* [2, с. 86]. Ершов заменяет слово *посланник(и)*: *Тут Иван хотел идти. “Эй, послушай! по пути, – Говорит ему Царевна. – Заезжай ты поклониться В изумрудный терем мой <...>”* [3, с. 84]; *Мы послы от Царь-девицы, Едем оба из столицы* [3, с. 91].

Слово *посланник* много раз встречается в произведениях Пушкина: *С крылатой шапкой набекрени, Богов посланник молодой Слетает вдруг к нему стрелой* [1, т. 1, с. 165]; *Нет, если ты небес*

избранник, Свой дар, божественный **посланник**, Во благо нам употребляй [1, т. 3, с. 88]; Тут был **посланник**, говоривший О государственных делах [1, т. 5, с. 176] и др. [14, т. 3].

9. В 1-м издании есть слово **поспешать**: Да вели-ка **поспешать**, Чтобы время не терять [2, с. 68]. Ершов в 4-м издании заменяет эти строки: “Вот давно бы так, чем нет”, – Царь с кровати дал ответ [3, с. 74]. В БАС указано, что **поспешать** – несовершенный вид к **поспешить** – устарелое и просторечное [19, т. 10]. СРНГ не приводит этого слова, но Пушкин употреблял его: Помещик, – пришедший в крайность, **поспешает** продать своих крестьян [14, т. 3, с. 613]; Так слушай: **поспешай** карлсбадские пить воды, Чтоб с нами снова пить вино [1, т. 3, с. 93]; и др. [14, т. 3].

III. Диалектизмы, одинаково представленные в 1-м и в 4-м и 5-м изданиях

В КГ встречается много диалектизмов, одинаково представленных в 1-м и в 4-м и 5-м изданиях. В некоторых случаях известно, что эти диалектные черты были в говорах и псковских, и тобольских. В других случаях можно лишь предполагать, что эти диалектные черты были и в тех и в других говорах. Но можно думать также, что Ершов, переделывая сказку для 4-го издания, в некоторых случаях оставлял примеры из 1-го издания, хотя сам так не говорил и не слышал такого произношения в Тобольской губ. В этих случаях Ершов попросту не смог заменить прежний текст своим, более подходящим, с его точки зрения. Приводим некоторые из них.

Грамматические диалектизмы

1. В 1-м издании противопоставлены формы слова **кит** с точки зрения места ударения: в формах род. – вин. падежа ед. числа ударение на окончании, в формах дат. и предл. падежей – на основе: И велели в тот же час От **китá** писать указ [2, с. 100–101]; А **китá** не тут-то было [2, с. 106–107]; Все телеги собирали; В них, не мешкая, поклади Все, что было живота, – И оставили **китá** [2, с. 96]; На песке сидит Иван, Ждет **китá** из синя моря <...> [2, с. 106]. – Как он в солнцевом селенье **Киту** выпросил прощенье [2, с. 36]; Вот конек бежит по **киту** [2, с. 86, 95]; Двое белых осетров К **киту** медленно подплыли [2, с. 100]; Лишь на небе засмеркалось, То на **ките** не осталось Ни одной души живой [2, с. 96]. Все эти

примеры сохранены в 4-м издании [3, с. 40, 90, 91, 101, 102, 106, 107, 113–114].

Но в одном случае в 1-м издании приведена форма, противоречащая указанному распределению: “Мы посланники Царицы, Едем оба из столицы”, – Говорит **киту** конек [2, с. 86]. В.А. Козаровецкий, постаравшийся восстановить пушкинский текст сказки и убрать исправления, сделанные цензором и Ершовым, привёл этот пример в следующем виде: “Мы послы от Царь-девицы, Едем оба из столицы”, – Говорит **ему** конек [44, с. 99]. Такое прочтение снимает противоречие в употреблении форм слова **кит** в тексте сказки. Но Ершов не учёл этого распределения форм слова **кит** и в 4-м и 5-м изданиях повторил, видимо, исправленное цензором слово: “Мы послы от Царь-девицы, Едем оба из столицы”, – Говорит **киту** конек [3, с. 91; 4, с. 91].

Акцентная парадигма, отраженная в 1-м издании в формах слова **кит** и встречающаяся у некоторых непроезженных существительных муж. рода II склонения, характерна для части говоров Западной диалектной зоны, в том числе псковских [33, с. 140–141].

2. Форма предл. падежа ед. числа слова **гроб** с предлогом **в**: Новый **гроб** в лесу стоит; **В гробе** девица лежит [2, с. 41; 3, с. 42]. У неодушевленных существительных муж. рода с односложной основой типа **гроб**, **дом**, **лес** и т.п. окончание **-е** широко употребительно в говорах Юго-Западной диалектной зоны вместо **-у** в других говорах [12, вып. II, карты 14, 15]. Употреблял такую форму и Пушкин [1, т. 4, с. 287, 479, 482; т. 5, с. 267] и др. [14, т. 1].

3. Форма род. падежа мн. числа **неделей**: Вот **неделей** через пять Начал Спальник примечать [2, с. 42, 43; 3, с. 43, 44]. Форма эта диалектная, или, как указывают словари, областная [19, т. 7]. Окончание **-ей** у существительных жен. рода 1-го склонения: **грушей**, **пашней**, **трубей** и др. отмечено в псковских говорах [45, с. 147].

4. Форма твор. падежа мн. числа существительного, совпадающая с формой дат. падежа: Вдруг приходит дьявол сам, С бороною и с **усам** [2, с. 15; 3, с. 16]. Такая форма характерна для значительной части говоров Северного наречия (Ершов, конечно, знал эту форму [26, с. 77–78]) и для говоров Северо-Западной диалектной зоны, в том числе псковских [12, вып. II, карта 41].

5. Диалектное сочетание собирательного числительного с названием животного: Двое белых **осетров** К **киту** медленно подплыли [2, с. 100; 4, с. 108]. В литературном языке собирательные

числительные *двое, трое четверо* и др. “соединяются только с именами лиц: *двое мужей, трое друзей, четверо солдат*, также *двое детей*; имена женского рода, так же как имена животных и неодушевлённых, не могут иметь при себе таких числительных: *две женщины, два вола, три волка*” [46, с. 129; см. также: 47, с. 309–310; 48, с. 205–209; 49, с. 379–380].

В псковских говорах отмечено *двое свиней, двое зѹба, двое платьѹа* [17, вып. 8]. Употребляя подобные формы и Пушкин: *Греки стали стекаться толпами под его трое знамен* [1, т. 10, с. 22–23].

6. Дialeктная форма сравнительной степени наречия: *Опускай её в мешок, Да завязывай тужсѣе* [2, с. 59; 3, с. 64]. Единичные примеры подобных форм сравнительной степени зафиксированы в самых разных русских говорах, но основная их концентрация – в говорах Юго-Западной диалектной зоны и в некоторых говорах Южного наречия [12, вып. II, карта 59].

7. Наши исследования говоров русских старообрядцев, сохраняющих многие старые черты Юго-Западной диалектной зоны, позволили обнаружить одну особенность этих говоров, отличающих их от других русских говоров и от литературного языка. В юго-западных говорах может употребляться указательное местоимение *тот* (и его формы *та, то, те* и др. или *той, тая, тое, тее*) без соотнесения с отдалённым предметом в тех случаях, когда в других говорах и в литературном языке выступает *этот, эта, это, эти*. Такое употребление указательного местоимения есть и в КГ: *Наш Иван, то всякий знает, От тебя, Отец, скрывает, Но не злато, не серебро – Жароптицево перо* [2, с. 47; 3, с. 49]; *И посыльные Дворяна Побежали по Ивана; Но, столкнувшись все в углу, Растянулись на полу. Царь тем много любовался И до колотья смеялся; А дворяне, усмотря, Что смешно то для Царя, Меж собой перемигнулись И вдругоредь растянулись* [2, с. 48–49; 3, с. 51]; *Тут сказал конек Ивану: “Ты увидишь здесь поляну; На поляне той гора Вся из чистого серебра <...>”* [2, с. 56; 3, с. 60]. Так мог написать только человек, хорошо знающий эту особенность юго-западных говоров, но не мог написать Ершов.

8. Дialeктные формы инфинитива глаголов на *-сти* без конечного гласного: *“Надо коней посмотреть, – Говорит он, – да не худо И завѣсть такое чудо”* [2, с. 32]; *Обещался до зарницы Вынести перстень Царь-Девуцы* [2, с. 107]; *И не медля приказал Сундучок отнёсть в светлицу* [2, с. 110]. В 4-м издании эти формы сохранены [3, с. 35, 114, 117].

Эта диалектная черта широко распространена в русских говорах, охватывая Западную диалектную зону, большую часть среднерусских говоров и Южное наречие. В говорах Северо-Восточной зоны тоже отмечены такие единичные формы, но лишь в немногих отдельных говорах [12, вып. II, карта 100; 34, с. 175–182; 50]. Ершов не мог слышать такое произношение на родине, где употребляются только формы инфинитива на *-сти* [26, с. 87], но мог усвоить эти формы из произведений писателей того времени; ср. в его позднейших стихах формы *цвѣсть, разнѣсть, вознѣсть, превознѣсть, вынѣсть* и т.п. [37, с. 153, 161, 172].

Подобные формы широко представлены и в произведениях Пушкина [1, т. 1, с. 20; т. 4, с. 329, 451; т. 5, с. 41–42] и многие другие.

Впрочем инфинитивы на *-сть* у подобных глаголов встречаются в XIX в. и у других писателей, “но конец XVIII и перелом XVIII–XIX в. заметно несут с собой разрежение в употреблении форм на *-ть*. Можно видеть, например, полное подчас отсутствие этих форм у Карамзина или ограничение в употреблении их сферой лишь стихотворных произведений, в частности – на концах стихов. Ср. у Дмитриева, Пушкина, даже Грибоедова, москвича, ничтожное количество случаев с формами на *-ть* в прозе (у Пушкина – всего один пример в черновом наброске письма с датой 1820 г.), но употребление их в стихотворной речи. Позднейшая история литературного языка ещё более ограничила употребление этих форм, можно сказать, изъяв их из художественного языка и оставив возможность их употребления лишь в просторечии или стилизованной речи” [34, с. 181]. Но они были весьма характерны для стихов Пушкина.

9. В КГ приведено довольно много деепричастных форм, среди них следующие: с суффиксом *-учи*: Тут Иван-дурак заплакал И, *рыдаючи, просил, Чтoб конек его простил* [2, с. 72; 3, с. 79]; с суффиксом *-а* от глаголов совершенного вида: *И минуто улуча, К кобылице подбегает* [2, с. 11; 3, с. 12]; *И довольно насмотрѣсь, Он спросил, оборотѣсь К окружавшим* [2, с. 32; 3, с. 36]; *А дворяне, усмотря, Что смешно то для царя, Меж собой перемигнулись* [2, с. 48–49; 3, с. 51]; *Царь, прищурѣсь глазом левым, Закричал к нему со гневом* [2, с. 50; 3, с. 53]; *Горбунук, его почуя, Дрягнул было плясовую; Но, увидя дурака, Он оставил трепака* [2, с. 52–53] (в 4-м издании без последних двух строк [3, с. 56]; *Первый надобно налить Из реки – водой студеной, Да второй – водой вареной, А последний молоком, Вскипятя*

его ключем [2, с. 113, 114] (в 4-м издании: *До краев водой студеной, А второй...* [3, с. 120–121].

Формы на *-учи* С.П. Обнорский считал просторечными для XVIII–XIX вв., но отмечал их у Пушкина [34, с. 214].

Формы с суффиксом *-а* в современных говорах употребляются чрезвычайно редко. Так, Е.В. Немченко приводит данные по четырём деревням Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, где отмечено 1080 форм с суффиксом *-ии* и только 3 с *-а*; в сказках и легендах, записанных в Архангельской, Нижегородской, Псковской и Рязанской губерниях, таких форм больше: на 589 страниц текста приходится 58 примеров с суффиксом *-а* (1 пример на 10 страниц текста) [51, с. 254, 258]. В сказке КГ их намного больше: 10 примеров на 66 страниц современной печати [4, с. 55–120], где в большей части текста строка сказки занимает половину строки на странице.

С.П. Обнорский, рассматривая формы деепричастий с суффиксом *-а* у глаголов совершенного вида, пишет: “Эти формы <...> – разговорные формы литературного языка. Ср. их наличность в письмах или в известных жанрах литературных произведений, более отражающих живой язык <...>. То же ещё в более высокой мере можно видеть в источниках народной речи”. С.П. Обнорский приводит подобные примеры из языка писателей, обычно единичные, при этом 24 примера из произведений А.С. Пушкина [34, с. 222–224]. Ещё больше примеров этой формы в языке писателей приведено у В.И. Чернышёва, причём больше всего – 62 примера также у А.С. Пушкина [48, с. 335–338].

Таким образом, широкое использование деепричастных форм с суффиксом *-а* от глаголов совершенного вида в XIX в. было характерно именно для Пушкина.

10. *Кáбы*, условно-предположительный союз ‘если бы’: *Кабы всех переимать, – То-то б знатная пожива!* [2, с. 58]. Ершов меняет: ... *То-то было бы поживы!* [3, с. 63]. Отмечен главным образом в Западной диалектной зоне, в том числе в псковских говорах, но также и в Сибири [17, вып. 13; 18, вып. 12]. Много раз встречается в произведениях Пушкина: [1, т. 4, с. 429; т. 5, с. 246; т. 6, с. 615] и ещё много раз [14, т. 2].

11. Объектно-целевая конструкция с предлогом *по* и вин. падежом одушевлённого существительного: *И посыльные Дворяна Побежали по Ивану* [2, с. 48, 65; 3, с. 51, 71]; *Вынул хлеба ломоток И поехал на Восток По тоёли Царь-девицу* [2, с. 69; 3, с. 75]; *Сам пошел по Царь-Девицу* [2, с. 110; 3,

с. 117]. Такая конструкция типична для Северо-Восточной диалектной зоны, но встречается и в некоторых говорах Западной зоны, в том числе и в псковских говорах [12, вып. III, ч. 2, карта 9; 52, с. 60, 62–67]. Знал её, вероятно, Ершов, и знал Пушкин [1, т. 5, с. 436].

12. Конструкция с предлогом *по* и предложным падежом имени: *По исходе же трёх дней Двух рожу тебе коней* [2, с. 13; 3, с. 13]. Такое употребление предлога *по* характерно для части говоров Юго-Западной диалектной зоны и отсутствует в других говорах. Ареал этого явления в русских говорах является продолжением повсеместного его распространения в говорах белорусского и украинского языков. Обычно русские диалектологи рассматривают эту конструкцию в сочетании *по* с существительными мн. числа: *ходить по улицах, готовить по праздниках* [52, с. 9, 56–58; 53], однако в русских говорах, сохраняющих черты Юго-Западной диалектной зоны, в этой конструкции употребляются и существительные ед. числа: *по дворё, по зернё, по столё, по базаре, по болоте, по по́ле* и т.п. [54, с. 136; 55, с. 593; 56, с. 184].

У Пушкина также встречается эта конструкция: *По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться* [1, т. 6, с. 131]; *Он именовался фельдмаршалом, и был первый по самозванце* [1, т. 8, с. 187] и др. [14, т. 3]. Ершов не мог знать эту диалектную черту.

13. Синтаксическая конструкция с предлогом *пред* и вин. падежом имени, выражающая пространственные и временные отношения: *А проказника дельфины Все тащили за щетины, Ничего не говоря, И явились пред царя* [2, с. 103–104; 3, с. 110]. Такая конструкция отмечена в говорах Северо-Западной диалектной зоны, в том числе псковских [18, вып. 31]. Употреблял её и Пушкин [1, т. 4, с. 188; т. 5, с. 237] и др. [14, т. 3].

Слова с особенностями ударения

14. *Но при всем том два коня Словно лишь из-под гребня* [2, с. 43; 3, с. 44]. В БАС и СРНГ приведено только слово *гребень* с постоянным ударением на корне [18, вып. 7; 19, т. 3], но в псковских говорах отмечено это слово и с ударением на окончании: *гребня́, гребнём, гребни́* [17, вып. 8].

15. *Мужички на губе пашут* [2, с. 86; 3, с. 90]. В БАС у слова *губа́* в значении ‘каждый из двух подвижных краев отверстия рта у людей и животных’ указано в ед. числе постоянное ударение

на окончании, но в примечании сказано также: “С иным ударением губа” и уточнено: “Росс. Целлариус 1771” [19, т. 3]. А.А. Зализняк указывает, что акцентная парадигма *a* (постоянное ударение на основе) было у этого слова в раннедревнерусском языке [32, с. 131–132]. С таким ударением слово *губа* отмечено, в частности, в тобольских говорах [31, с. 72]. И с таким же ударением произносил это слово Пушкин: [1, т. 3, с. 187; т. 5, с. 130, 373] и др. [14, т. 1].

16. *Шерсть* – ну, *лоснится*, как *шёлк* [2, с. 44; 3, с. 44]. В БАС указано: Лосниться. – С иным ударением: лосниться. – Слов. Акад. 1792: лосниться; Слов. Акад. 1814: лосниться; Ушак<ов>. Толк<овый> слов<арь> русского языка> 1938: лосниться и лосниться [19, т. 6]. Пушкин говорил *лосниться*, в его стихах это слово встречается 4 раза, и только с таким ударением [1, т. 1, с. 186; т. 3, с. 31, 244, 331].

17. Так он *на́звал* Царь-Деву [2, с. 65; 3, с. 71]; так же у Пушкина [1, т. 5, с. 237].

Диалектные слова и фразеологизмы и слова с диалектными и просторечными значениями или с диалектным фонемным составом корня

18. *Балясы*: Царь нисколько не сердился, Но сильней еще влюбился. На колен пред нею стал, Ручки нежно целовал И *балясы* начал сновать: “Молви ласковое слово! Чем тебя я огорчил? <...>” [2, с. 75–76; 3, с. 82]. В СРНГ приведено: Баляса, ы, ж. *Перен.* Лесть, заискивание. Холмог. Арх., 1907 [18, вып. 2]. Есть это слово и в псковских говорах в значении ‘болтовня’ [17, вып. 1], и у Пушкина [1, т. 2, с. 117; 14, т. 1, с. 843; 57, с. 99].

19. *Варёный* ‘кипячёный’: Царь наутро составляет Икупаться мне в котлах, В молоке и двух водах: Как в одной воде студеной, А в другой воде *вареной*. Молоко, слышь, кипяток [2, с. 116; 3, с. 124]. В псковских говорах слово *варить* может иметь значение ‘кипятить’ (бельё, холст, пряжу) [17, вып. 3].

20. *Варенье* от *варить* ‘плавить; изготавливать путём плавки’: Шитый золотом шатер Да обещанный прибор – Весь заморского *варенья* [2, с. 67, 68; 3, с. 74]; На ширинку ставь прибор Из заморского *варенья* [2, с. 70; 3, с. 76]. В псковских говорах отмечено: *Здесь мы жалеза греим и варим* [17, вып. 3].

21. *Вэстка* ‘весть, весточка’: Что дадите мне за *вэстку*? Бьет свекровь свою невестку [2, с. 84; 3, с. 88]. Это слово отмечено главным об-

разом в южнорусских и среднерусских говорах, в том числе и в псковских, но отмечено также в вологодских и печорских говорах [16, вып. 3; 17, вып. 4].

22. *Вина́* ‘причина’: И поведай мне *вину́* В нашу светлую страну Твоего с земли прихода [2, с. 90; 3, с. 95]. В этом значении слово отмечено в псковских и томских говорах [17, вып. 4; 18, вып. 4], а также у Пушкина [1, т. 2, с. 310; т. 4, с. 56; т. 6, с. 297] и др. [14, т. 1, с. 281].

23. *Вон* ‘наружу’: Тут, отдав Царю поклон, Ери пошел оттуда *вон* [2, с. 104–105]; – В 4-м издании: Ери пошел, согнувшись, *вон* [3, с. 111]. В этом значении встречается и в псковских говорах [17, вып. 4], и у Пушкина: [1, т. 2, с. 306; т. 4, с. 457; т. 5, с. 174; т. 6, с. 391] и др. [14, т. 1].

24. *Вперёд* ‘в будущем, впредь’: Я *вперед* уж спать не стану [2, с. 72; 3, с. 79]. Отмечено в псковских говорах [17, вып. 5].

25. *Враз* в значении ‘сразу, тотчас же; одновременно’: Дома дружно поделились, Оба *враз* они женились [2, с. 36; 3, с. 39]. Отмечено в псковских говорах [17, вып. 5] и у Пушкина [1, т. 5, с. 164].

26. *Горбáтко*: А конек его – *горбáтко* Так и ломится вприсядку [2, с. 35; 3, с. 39]. В значении ‘горбатый человек, горбун, горбунья’ отмечено в псковских говорах [17, вып. 7].

27. *Дира́* ‘дыра’: За шатер Иван забился И давай *диру* вертеть [2, с. 71; 3, с. 77]. Отмечено во многих русских европейских говорах, в том числе псковских [17, вып. 9; 18, вып. 8]; ср. у Пушкина *диравые карманы* [1, т. 5, с. 345].

28. *Досéле* ‘до сих пор’: Обещался до зарницы Вынести перстень Царь-Девуцы, А *доселе* не сыскал [2, с. 107; 3, с. 114]. Встречается в псковских говорах [17, вып. 9] и у Пушкина: [1, т. 4, с. 454; т. 5, с. 138, 220] и др. [14, т. 1].

29. *Доставáть, достáть* ‘доставлять, доставить’: Если ты недели в три В нашу Царскую светлицу Не *достанешь* Царь-Девуцу, То клянуся бородой, Не останешься живой [2, с. 66] (Ершов исправляет: <...> То, клянуся бородой, Где-нибудь, хоть под водой, Посажу тебя я на кол [3, с. 72]; <...> То клянуся бородой, Ты заплатишься со мной: На правезе – в решетку – на кол! [4, с. 72]); Царь велит в свою светлицу Мне *достать*, слышь, Царь-Девуцу [2, с. 66; 3, с. 73]; отмечено в псковских, севернорусских и сибирских говорах [17, вып. 9; 18, вып. 8; 39, т. 1, ч. 2].

30. *Дря́гнуть*: Горбунок, его почуя, *Дря́гнул* было плясовую; Но, увидя дурака, Он оставил *трепака* [2, с. 52–53]; Ершов исправляет: <...> Но

как слезы увидал, Сам чуть-чуть не зарыдал [3, с. 56]. Слово это со значением ‘дёргать, болтать, дрыгать (руками, ногами, всем телом)’ отмечено в псковских говорах и в Сибири [17, вып. 10; 18, вып. 8].

31. Зарни́ца: Вот сюда-то до зарни́цы прилетают жары-птицы [2, с. 56; 3, с. 60]; До восхода, слышь, зарни́цы Прилетят сюда жар-птицы [2, с. 56; 3, с. 61]; Отыцу я до зарни́цы Перстень красной Царь-девицы [2, с. 99; 3, с. 105]; Вы достаньте до зарни́цы Пестень красной Царь-девицы [2, с. 99; 3, с. 105–106]; Обещался до зарни́цы Вынести перстень Царь-девицы [2, с. 107; 3, с. 114]. Слово зарни́ца в значении ‘утренняя или вечерняя звезда, появляющаяся перед восходом или после захода солнца; Венера’ отмечено в псковских говорах [17, вып. 12]. В некоторых сибирских говорах отмечено слово зарни́чка тоже в значении ‘Венера’ [18, вып. 10].

32. Зачи́наться ‘начинаться’: *Зачи́нается* рассказ От Ивановых проказ [2, с. 41; 3, с. 41]. Отмечено в псковских говорах [17, вып. 12]. У Пушкина встречается *зачинатель* ‘тот, кто начал или начинает что-нибудь’ [1, т. 3, с. 365].

33. Зори́ться: Только начало зори́ться, Спальник начал шевелиться [2, с. 46; 3, с. 48]. В псковских говорах отмечено в значении ‘рассветать’ [17, вып. 13]. В КГ есть и производное от него слово: *Завтра, только зазори́тся, Мы отправимся в поход* [2, с. 54; 3, с. 58].

34. Казы́ться ‘показываться’: *Не ходи ты по зарям, Не кажися молодцам* [2, с. 84; 3, с. 88]. Отмечено в псковских и тобольских говорах [17, вып. 13; 18, вып. 12].

35. Как раз ‘разом, сразу’: *Во дворец к Царю пустился И как раз к нему явился* [2, с. 64; 3, с. 70]; *Я на первый твой приказ Прибегу к тебе как раз* [2, с. 70; 3, с. 77]; у Пушкина [1, т. 4, с. 53, 457; т. 6, с. 407] и др. [14, т. 3].

36. Ломото́к ‘ломтик’: *Вынул хлеба ломото́к И поехал на Восток* [2, с. 55, 69; 3, с. 59, 75]. Слова ломото́к, ломото́чек отмечены и в псковских, и в тобольских говорах [18, вып. 17].

37. Лы́зя – синоним *можно* (ср. 40): *Мы и слыхом не слыхали, Чтобы лы́зя похорошеть!* [2, с. 120; 3, с. 128]; *Так не лы́зя ль, отцы родные, Вам у солнышка спросить* [2, с. 86–87]; в 4-м издании *нельзя* [3, с. 91]. Слово лы́зя отмечено в разных говорах, в том числе в псковских и сибирских [17, вып. 17; 18, вып. 17; 39, т. 2]. Пушкин тоже писал *не лы́зя* – как два разных слова [14, т. 2, с. 844].

38. Ме́шкотно ‘медленно, с трудом’: *Скоро сказка говорится; Дело ме́шкотно творится* [2,

с. 88; 3, с. 92]. Отмечено в псковских говорах [17, вып. 18].

39. Наде́жа ‘надежда’: *Так и случилось, Царь-Наде́жа!* [2, с. 31; 3, с. 34]. Отмечено во многих говорах, в том числе в псковских и в томских [17, вып. 19; 18, вып. 19] и у Пушкина [1, т. 5, с. 287].

40. Не́можно (не мо́жно) ‘нельзя, невозможно’: *Все не можно* нам венчаться [2, с. 111; 3, с. 119]; *Ты скажи царю: не мо́жно ль, Ваша милость, приказать, Горбунка ко мне послать* [2, с. 116; 3, с. 125]; *Говорит Иван: не мо́жно ль, Ваша милость, приказать, Горбунка ко мне послать* [2, с. 119; 3, с. 127]. Встречается в разных говорах, в том числе в псковских, и сибирских [17, вып. 21; 18, вып. 21], и у Пушкина [1, т. 4, с. 282, 357, 450] и др. [14, т. 2].

41. Не́ча ‘ничего’: *Не́ча* молвить, страх красивы! [2, с. 58; 3, с. 63]; отмечено во многих говорах Западной зоны (в том числе в псковских) и Северо-Восточной зоны, а также в томских [17, вып. 21; 18, вып. 21].

42. Нико́ли ‘никогда’: *Не бывали нико́ли Ни Дворяне, ни миряне На поганом окяне* [2, с. 63; 3, с. 69]; встречается во многих говорах, в том числе в псковских и сибирских [17, вып. 21; 18, вып. 21; 38, т. 2].

43. Опо́яска ‘пояс’: *Тут надел он свой армяк, Опо́яской подвязался* [2, с. 50]; – *Тут надел он свой кафтан, Опо́яской подвязался* [3, с. 52]; отмечено во многих говорах, в том числе псковских и тобольских [18, вып. 23].

44. Переи́мать ‘переловить’: *Чай, их тут десятков с пять. Кабы всех переи́мать, – То-то б знатная пожива!* [2, с. 58; 3, с. 63]; отмечено в говорах Западной диалектной зоны (в том числе и в псковских) и Северо-Восточной зоны [18, вып. 26].

45. Пло́тно ‘цепко, крепко: *Но садись ко мне скорей Да держи ее плотней!* [2, с. 74]; Ершов меняет: *Ну, садись же поскорей...* [3, с. 81]. Это значение у слова *плотно* указано в СРНГ [18, вып. 27]. Другое значение, указанное там же ‘изо всех сил, с размаху’, очевидно, в примере: <Кит> *С этим словом сундучек Брякнул плотно на песок* [2, с. 107; 3, с. 115]. Оба значения отмечены в говорах Северо-Западной диалектной зоны.

46. По́ждать ‘подождать’: *Это присказка: по́жди, – Сказка будет впереди* [2, с. 41; 3, с. 42]. Пушкин знал и употреблял это слово [1, т. 4, с. 451, 467].

47. Полони́ть ‘взять в плен; пленить’: *Все их царства полонию? Весь их род искореню!*

[2, с. 111; 3, с. 118–119]; у Пушкина [1, т. 1, с. 11; т. 2, с. 333].

48. Препятство ‘препятствие’: *Нет препятства никакого Завтра утром, светик мой, Обвенчаться мне с тобой* [2, с. 110; 3, с. 117]. Отмечено в псковских и тверских говорах [18, вып. 31].

49. Промён: “Ну, я пару покупаю; Продаешь ты” – “Нет, меняю”. – “Что в промён берешь добра?” – “Два-пять шапок серебра” [2, с. 33; 3, с. 36]. В псковских говорах отмечено слово *промёнок* со значением ‘предмет, на который обменяно что-либо’ [18, вып. 32]. Но в говорах Карелии, относящихся к той же Западной диалектной зоне, отмечено *промён* – ‘вещь, предмет, который может быть обменен на продукты’ [58, вып. 5].

50. Ширинка ‘скатерть; расшитый платок’: *Надо, Царь, мне две ширинки* [2, с. 67; 3, с. 74]; *Взял ширинки и шатер* [2, с. 68; 3, с. 75]; *На ширинку ставь прибор Из заморского варенья* [2, с. 70; 3, с. 76]. У Пушкина [1, т. 3, с. 274].

Из рассмотренных нами более ста различных диалектных черт (включая и диалектную лексику), отражённых в 1-м издании сказки “Конёк-горбунок” и представленных в части случаев единичными примерами, а в других случаях до десяти на одно и то же явление, около трети Ершов заменил в 4-м издании – иногда во всех примерах на данную черту, данное слово, иногда в их части. При этом в свои исправления и добавления он включил большое число примеров других диалектизмов, свойственных сибирским говорам.

Среди заменённых диалектизмов 1-го издания сказки и оставшихся неизменными в 4-м и 5-м изданиях есть много таких, которые не могли быть известны Ершову: они отсутствуют в тобольских и вообще в сибирских говорах, не встречаются в литературных произведениях начала XIX в. Это безусловное свидетельство того, что Ершов не был автором этих примеров, а следовательно и всего 1-го издания этой сказки.

Среди людей, принимавших участие в публикации “Конька-горбунка”, Ершов всегда первым называл Пушкина, “удостоившего тщательного пересмотра” эту сказку, а в архиве её издателя А.Ф. Смирдина «до конца его дней хранился не известный нам автограф Пушкина, связанный с “Коньком-горбунком”» – заглавие и первые четыре стиха [59, с. 315; 60, с. 29; см. также 7; 8]. Но главное – почти все диалектизмы, встречающиеся в 1-м издании, отмечены и в псковских говорах и/или у Пушкина. Таковую сказку с таким количеством псковских диалектизмов в то время не мог написать никто, кроме Пушкина. Это также

безусловное свидетельство того, что автором 1-го издания сказки “Конёк-горбунок” был Пушкин.

Скоро минет два века, как авторство лучшей сказки А.С. Пушкина приписывается другому человеку. Наступила пора нам восстановить справедливость и вернуть великому А.С. Пушкину то, что ему принадлежит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1957–1958.
2. Ершов П.П. Конек-горбунок: Русская сказка. Сочинение П. Ершова. В 3 частях. СПб.: В типографии Х. Гинце, 1834.
3. Ершов П.П. Конек-горбунок: Русская сказка. В 3 частях. Сочинение П. Ершова. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: В типографии Якова Трея, 1856.
4. Ершов П.П. Конек-горбунок: Русская сказка. В 3 частях. Сочинение П. Ершова. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: В типографии Ф. Стеллевского, 1861.
5. Петр Павлович Ершов писатель и педагог. Тезисы докладов и сообщений на научно-практической конференции 22–24 ноября 1989 года. Ишим, 1989; Ершовские чтения: тезисы докладов межвузовской конференции, 22–24 ноября 1990. Тобольск, 1990.
6. Ершовский сборник. Вып. 1–3. Ишим, 2004–2006.
7. Лацис А.А. Верните лошадь! М., 2003.
8. Перельмутер В.Г. В поисках автора // Пушкин А.С. (?) Конёк-горбунок: русская сказка в 3-х частях. М.: SAM & SAM; РИК Русанова, 1998.
9. Козаровецкий В.А. Сказка – ложь, да в ней намёк // Александр Пушкин. Конёк-горбунок: Русская сказка: Вступительная статья и подготовка текста Владимира Козаровецкого (на корешке Н. ЕРШОВ А. ПУШКИН КОНЕК – ГОРБУНОК). М.: ООО НПЦ Праксис, 2009. С. 3–41. См. также сайт <http://gorbunock.narod.ru>
10. Савченкова Т.П. “Конёк-горбунок” в зеркале “сенсиационного литературоведения” // Литературная учёба. 2010. № 1.
11. Савченкова Т.П. Пётр Павлович Ершов (1815–1869): Архивные находки и библиографические разыскания. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2011.
12. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР России. В III вып. / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. I: Фонетика. М.: Наука, 1986; Вып. II: Морфология. М.: Наука, 1989; Вып. III: Синтаксис. Лексика. М.: Наука; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. РАН, 1996–2004.
13. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.

14. Словарь языка Пушкина. В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000.
15. *Пеньковский А.Б.* Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. 2-е изд., испр. и доп. М.: Индрик, 2003.
16. *Пеньковский А.Б.* Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: Филологические исследования / Под общей ред. И.А. Пильщикова. М.: Знак, 2012.
17. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–22–, А–О–. Л.; СПб.: Изд-во Ленингр., С.-Петерб. ун-та, 1967–2011–.
18. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–44–, А–Т–. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2011–.
19. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950–1965.
20. Словарь русского языка. В 4-х т. 3-е изд. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985–1988.
21. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / АН СССР; РАН. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улукханов, В.Б. Крысько. М.: Рус. яз., 1988–.
22. *Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа “Языки русской культуры”, 1999.
23. *Касаткина Р.Ф.* О диалектизмах в творчестве А.С. Пушкина // Русский язык в научном освещении. 2004, № 2 (8). С. 49–62.
24. *Утков В.Г.* П.П. Ершов // *Ершов П.П.* Конёк-горбунок. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1951. С. 5–56.
25. *Лупанова И.П.* П.П. Ершов // *Ершов П.П.* Конёк-горбунок. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1976. С. 5–52.
26. *Романова М.А.* Морфологические особенности говоров по нижнему течению реки Тавды // Уч. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. Т. 21. Кафедра рус. языка, вып. 3. Диалектологический сборник I. Тюмень, 1963. С. 69–101.
27. *Романова М.А.* Система вокализма русских говоров по нижнему течению рек Тавды, Тобола и Иртыша // Вопросы современного русского языка и диалектологии. Свердловский гос. пед. ин-т. Тюмень, 1965. С. 26–52.
28. *Романова М.А.* Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах по нижнему течению Иртыша // Лингвистические исследования. Тюменский гос. ун-т, Научные труды. Сб. 12. Тюмень, 1975. С. 47–62.
29. *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
30. *Сологуб А.И.* Об ударении в парадигмах существительных женского рода единственного числа в русских говорах // ВЯ, 1980, № 3. С. 107–117.
31. *Романова М.А.* Некоторые суперсегментные диалектные явления в окающих старожильческих говорах Тюменской области // Русская речевая практика и литературная норма. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1981. С. 13–21.
32. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.
33. Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.
34. *Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
35. *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Множественное число. Л.: Изд-во АН СССР, 1931.
36. *Кушнин А.И.* Стих П.П. Ершова. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008.
37. *Ершов П.П.* Конёк-горбунок. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1976.
38. Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5 / Под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006.
39. *Ершов П.П.* Конёк-горбунок. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1951.
40. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 3-е изд. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1903–1909; М.: Издательская группа “Прогресс”, “Универс”, 1994.
41. *Черных П.Я.* Несколько сибирских диалектизмов в “Коньке Горбунке” П.П. Ершова. Иркутск: Восточно-Сибирский Отдел Рус. географич. общ-ва, 1924.
42. *Кошутин Рад.* Граматика руског језика. I. Гласови. 2-е изд. Пг.: Типография Российской Академии наук, 1919.
43. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990.
44. *Пушкин А.* Конёк-горбунок: Русская сказка: Вступительная статья и подготовка текста Владимира Козаровецкого. М.: ООО НПЦ Праксис, 2009. См. № 9.
45. Русская диалектология / Под ред. Н.А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972.

46. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М.: Гос. пед. изд-во наркомпроса РСФСР, 1941.
47. *Виноградов В.В.* Русский язык: (грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
48. *Чернышёв В.И.* Правильность и чистота русской речи: опыт русской стилистической грамматики. 2-е изд., испр. и доп. Вып. 2. Части речи. Пг., 1915.
49. Грамматика русского языка [в 2 т.]. Т. I. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
50. *Попова Т.В.* Формы инфинитива от глаголов с основой на согласный типа рус. лит. *плести, вести, грести* и *класть, прясть, грызть* // Восточнославянские изоглоссы. 2000. Вып. 3. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2000. С. 129–138.
51. *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971.
52. *Кузьмина И.Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993.
53. *Лопатина Л.Е.* Употребление предложно-падежных сочетаний типа *по лесам – по лесам* // Восточнославянские изоглоссы. 1998. Вып. 2 / Отв. ред. Т.В. Попова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1998. С. 229–233.
54. *Касаткин Л.Л.* Русский говор села Татарица в Болгарии // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 116–139.
55. *Касаткин Л.Л.* Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В.В.Виноградова РАН // Русские старообрядцы: язык, культура, история. М., 2008. С. 573–608.
56. *Касаткин Л.Л.* Прародина старообрядцев села Кунича Флорештского района Молдавии по данным их языка // Липоване: история и культура русских старообрядцев: к 200-летию юбилею первого переселения некрасовцев в российские пределы. Вып. VIII / Ред.-составитель А.А. Пригарин. Одесса; Измаил, 2011. С. 178–193.
57. *Бонди С.М.* Неосуществлённое послание Пушкина к “Зеленой лампе” // *Бонди С.М.* Черновики Пушкина: Статьи 1930–1970 гг. 2-е изд. М.: Просвещение, 1978. С. 91–108.
58. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1–5–, А–С–. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994–2002–.
59. *Азадовский М.К.* Пушкинские строки в “Коньке-горбунке” // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 315–316.
60. *Толстяков А.П.* Пушкин и “Конек-горбунок” Ершова // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л.: Наука, 1982. С. 28–36.